

Час полнолуния

Автор:

Андрей Васильев

Час полнолуния

Андрей Александрович Васильев

А.Смолин, ведьмак #4

Следом за зимой всегда приходит весна, радуя людей. Но для начинающего ведьмака Александра Смолина ее приход означает еще и то, что вот-вот в его жизни начнут происходить не очень-то веселые события. И, знаете, что? Предчувствия его не обманули!

Андрей Васильев

Час полнолуния

Все персонажи данной книги выдуманы автором.

Все совпадения с реальными лицами, местами, банками, телепроектами и любыми происходившими ранее или происходящими в настоящее время событиями – не более чем случайность. Ну а если нечто подобное случится в ближайшем будущем, то автор данной книги тоже будет ни при чем.

Глава первая

– В кабинете сейф, – прощепетала Жанна, устраиваясь на скамейке поудобнее. – Сама видела. За картиной спрятан, вот там все, про что я тебе рассказала, лежит. И жесткие диски, и бумажки, и пакеты с фотографиями. Знаешь, словно в сериале! Ну из тех, что по «России» идут.

– За картиной, значит, – повторил я. – А за какой? Или у него в кабинете она только одна и есть?

– Нет-нет-нет. – Жанна помотала головой. – Там их штук семь, все старые и в красивых рамах. А на этой кораблик плывет и вулкан огнем пыхает! Этого картинка, как его... Кипрского!

– Может, Кипренского? – уточнил я.

– Может, – не стала спорить Жанна. – Там к раме пластиночка золотистая была приклеена, а на ней фамилия художника. Просто живопись – это не мое, понимаешь? Я не чувствую ее месседж, не вызывает она у меня ярких эмоций.

В принципе, я мог бы сказать что-то вроде «стыд и срам, великих отечественных живописцев надо знать», но это было бы не очень честно. Спроси у меня названия хоть пяти картин этого самого Кипренского, и фиг я их назову. Я фамилию эту знаю только потому, что как-то по телику передачу от нечего делать про него смотрел. Впрочем, имя Кипренского я запомнил – Орест. Почти Эраст, как Фандорин.

И это неправильно. Свой уровень образования, разумеется, надо поднимать. Вон даже серьезные бизнесмены, и те культуры не чуждаются. В своих домашних кабинетах творения классиков живописи вешают, прячут за ними сейфы, в которые самое дорогое помещают – ключи и пароли от банковских счетов да жесткие диски с компроматом на соратников по бизнесу. Значит – доверяют творцам, признают то, что искусство – великая сила.

Надо «Третьяковку» посетить, что ли? А то как там во времена учебы в школе побывал один раз, так больше даже рядом не проходил.

– Месседж – он такой месседж, – согласился я с Жанной. – Если его нет, то дело труба. Слушай, не хочешь со мной в «Третьяковку» сходить? Побродим по залам, картины поглядим. Шишкин там, Репин, Врубель. Может, сейчас тебя искусство

цепанет?

– Врубель? – оживилась Жанна. – Прикольная фамилия. А что он рисовал?

– Разное, – расплывчато ответил ей я. – Но ты не сомневайся, он реально продвинутый художник. Прикинь, даже его наброски очень недешево стоят. У нас один крендель в депозитарии такой держал, я слышал, как про это мой коллега Витод Дашке из залогового рассказывал. И еще о том, что этот самый набросок одновременно у нас в сейфе под замками лежит и еще в какой-то галерее висит. Там духовное, у нас – материальное. Вот такой вот дуализм.

– Дуализм – это в старые времена было. Это когда из пистолетов стреляют друг в друга, – поправила меня Жанна. – Пушкина так убили. Поэта. Ему за это памятник поставили!

– Да ты просто кладезь знаний, – подольстил я девушке. – Второй месяц с тобой общаюсь и не устаю удивляться столь могучему интеллекту.

– Ну да, – загордилась та – Или ты думаешь, что все модели – тупые?

– Да ни боже мой! – всплеснул я руками. – Впрочем – есть такие. Но только те, которых ты не любишь. Вот они – все дуры!

Жанна заулыбалась и приосанилась. Причем – зря. Так было хуже, потому что опять стала хорошо видна ее неестественно вывернутая шея. Оно и понятно – когда тебя столкнут с лестницы, и ты крайне неудачно стукнешься о ступеньку, всегда так получается. Понятное дело, там сместилось все что можно. Ну или как это называется? Я не патологоанатом, правильных формулировок не знаю.

Впрочем, хорошо еще, что эта ревнивая жена, выследившая, как Жанна планомерно уводит ее мужа из семьи, по черепу ей пару раз молотком не саданула. Шея еще ничего, а вот дырки в голове – это перебор. Кому на такое глядеть захочется?

Я бы точно не пожелал, и тогда, в конце февраля, даже и не подумал бы остановиться рядом с призраком печальной девушки, сидящим на лавочке в зимнем парке. И уж тем более, не стал бы с ней заговаривать.

А тут мне ее жалко стало. Сидит, понимаешь, такая красивая и неприкаянная, просто символ вселенской грусти. Уж на что я вроде зачерствел сердцем к этим призракам, которые только и ждут того, чтобы с ними в разговор вступили, но здесь меня прямо как подменили.

Правда, потом выяснилось еще и то, что она невероятно рассеянна, забывчива и, признаться, немного недалекая, но это все мелочи. Кто из нас идеален? Да никто.

Жанна, кстати, даже в бродячие призраки попала по причине собственной несобранности. Почему сразу после смерти не ушла – не знаю, но потом... Это песня!

Она родом не из Москвы, а из какого-то далекого города. Обычная история – приехала поступать в театральный, не поступила, но после по баллам все же прошла в какой-то строительный ВУЗ. Уж не знаю как, но все же проучилась там три года, попутно где-то по подиуму вышагивала, и в результате пала от руки всплывшей жены очередного любовника.

Так вот – за телом, как водится, приехали родители, но свинцовый гроб для перевозки решили не заказывать, потому кремировали бедняжку прямо тут, на столичной земле. И урну с собой увезли в тот же день.

Вот этот самый момент Жанна прозевала. Если бы ее тело туда, домой, целиком увезли, то и душа за ним бы последовала, таковы законы бытия. Но тело-то сожгли! Нырни душа в урну с пеплом в тот момент, пока ее заворачивают – тоже улетела бы, пусть и безбилетным пассажиром, а после ошивалась на том кладбище, где урну прикопают. А теперь – все. На столичные кладбища ей вход закрыт, она там никто, и звать ее никак. Домой не улетишь – сожгли-то ее тут. Прописочка, так сказать, теперь московская. Как говорят в народе – ни богу свечка, ни черту кочерга. Есть от чего грустить.

А знаете, почему она кремацию пропустила? Решила посмотреть, кого вместо нее на каком-то там показе поставят одежду демонстрировать. Я, когда это услышал, сразу понял – полезный мне призрак попался, грех такой к рукам не прибрать. И вот с тех пор она мне служит. Причем не за ту награду, о которой меня обычно ее собратья по несчастью молят, а, если можно так сказать, из идейных соображений. Просто все ее забыли, а я с ней дружу.

Еще мне кажется, что она до сих пор так и не поняла, кто я такой и что могу для нее сделать. А я рассказывать не особо спешу.

Зачем?

– Весна. – Жанна мечтательно улыбнулась, глядя на почти полную луну. – Если бы не смерть, я бы сейчас на распродажи вещей из зимней коллекции прошлого года ходила! Там знаешь, какие скидки в апреле бывают!

– Да, весна, – согласился с призраком я. – Наконец-то!

– Слушай, а давай мы с тобой в «Манго» съездим? – вдруг предложила Жанна. – Вместо «Третьяковки»? Там интереснее, честное слово!

– Подумаю, – уклончиво ответил я. – Вот выходные наступят, и станет видно.

– Да, а ты код замка будешь записывать? – чуть погрузнела мертвая девушка, как видно, поняв, что не собираюсь я никуда с ней ехать. С призраками в этом плане просто – чуть потускнело сияние вокруг них – значит, настроение изменилось. – Я его запомнила на всякий случай. Правда, уже не скажу, что раньше – буквы или цифры. Но всегда можно попробовать сначала так, а потом по-другому.

– Нет, – отказался я. – Лишние знания увеличивают скорбь. Мне важен факт того, что этот красавец на самом деле компромат на ближних своих собирает. А коды и все прочее – это не по моей части. Я же не промышленный шпион, правда?

– Не знаю, – передернула плечами Жанна. – Мы с тобой еще не настолько знакомы. Может, и шпион, почему нет? Я бы вот хотела шпионкой быть, они все время за границей живут и по самым-самым лахшери-местам ходят! Знаешь, я себе часто представляла, как вхожу в зал казино где-нибудь в Монте-Карло, на мне вечернее платье такое с воланами, вот тут и...

– Понял, – остановил я поток сознания, полившийся на меня. – Девичьи грезы – это прекрасно. Но – помолчи. Мне надо подумать.

Один из немногих позитивных моментов общения с мертвыми женщинами – им в этом состоянии реально приказать замолчать. И они это требование выполняют!

Сомневаюсь, что останься Жанна живой, я бы вот так просто от нее отделался. Был бы скандал, рекой лились бы обвинения в моем равнодушии и нежелании жить ее жизнью. Да что там! В своем предыдущем воплощении она бы со мной даже знакомиться не стала. Не снизошла бы. Мелковат я по ее меркам – и физически, и материально.

А нынче – вон рядом сидит, молчит, на звезды смотрит.

Хотя – да, звезды нынче хороши. Луна как огромная тарелка с сыром над головой висит.

И запах. Этот волшебный запах проснувшейся от зимней спячки земли.

Весна пришла вдруг, как это обычно и водится. Совсем недавно дули ветры и мели метели, небо было затянуто серыми нескончаемыми тучами, а уставшие от бесконечной зимы горожане каждое утро начинали с того, что костерили синоптиков, которые обещали им «непривычно раннюю весну» еще месяц назад. А она все где-то задерживалась, как видно, желая немного поиздеваться над людьми.

И в результате, нагрянула внезапно, когда все уже решили, что и в этом году на майских снег идти будет. Одним прекрасным утром люди, выглянув в окна, увидели в небе яркую лазурь, сменившую привычный серый фон. Снег начал таять с невероятной быстротой, птицы, ошалевшие от таких перемен, неумолчно галдели круглые сутки, а девушки моментально сменили зимние наряды на короткие одежды, заставляя смотреть себе в след даже стариков, которые давным-давно перешли из разряда «боевых» в разряд «холостых». И это я не о семейном положении.

Да я и сам еще две недели назад ходил в опостылевшем мне пуховике и зимних ботинках, а сейчас сижу на скамейке у подъезда в легкой курточке и кроссовках, вдыхая ароматы нового апреля.

Хотя, если совсем уж начистоту, все было не настолько и плохо. Да что там! Интересная зима выдалась, чего скромничать.

Например, я с удивлением выяснил, что совершенно перестал мерзнуть. То есть – не брали меня больше морозы, даже при минус двадцати я запросто мог без перчаток ходить. Ясно, что жителей Крайнего Севера таким не удивишь, но для чахлого москвича, поверьте, это достижение. В чем секрет – так и не разобрался. То ли потому, что дело с мертвыми имею, а они, как известно, не мерзнут, то ли потому, что с Мораной спутался, а она ведь в прошлом как раз за холод и зиму отвечала.

Но о Моране – чуть позже. Там отдельный разговор.

Еще я пытался найти на заснеженных улицах Ледяного Старика, того, о котором столько легенд осенью услышал. Но – неудачно, так мы с ним и не пообщались. Хотя, может, и к лучшему это. Кто его знает, чем дело могло кончиться?

А вот его слуг я слышал. Тех, что в метелях живут которых «снежными душами» называют. Верно, воют они протяжно и страшновато. И людей не любят, это тоже факт. Полагаю, тут дело в зависти. Они же помнят, как раньше дышали, ходили, любили, что кровь у них горячая по венам текла, а теперь все, что им осталось – носиться по темным улицам да снежинки гонять, и то исключительно зимой. Тут поневоле взвоешь и озлобишься. А после решишь – если не тебе, так и никому.

Меня они тоже попробовали закружить, но ничего у них не вышло. Да и вообще – трезвому человеку бояться этих снежных теней не нужно, максимум они его с пути сбить могут. А вот пьяным в сильную метель, особенно январскую, лучше не соваться. Добра из этого не выйдет.

Январь – это вообще что-то с чем-то! Сначала грянул веселый Карачун, старт которого я созерцал в Царицыне, когда участвовал в «диких скачках», пытаюсь наложить лапу на «снежный цветок». Расцветает там такой раз в год, на закате первого дня января. Большой силы цветок, многие хотят на него свою лапу наложить, потому мероприятие вышло веселое и беспринципное. Мне лично пуховик порвали и нос расквасили в давке. Я, правда, тоже кому-то глаз подбил, так что в долгу не остался. А цветок так в руки и не дался, его какая-то юная и симпатичная ведьмочка из Выхино зацапала в результате. Но это ладно. Что там к ночи началось, какие типажи из Голосова оврага полезли! И, главное – в парке народа гуляющего полно, на горке детвора на «ватрушках» с визгами гоняет, на открытой сцене концерт идет, певец орет, что он не видит рук любезной

публики, а по соседству с этим всем зимняя нежить из-под коряг на белый свет ползет. Точнее – на лунный свет. Феерия!

Но это все ерунда по сравнению с тем, что случилось позже, в конце января. Оказывается, у домовых тоже есть свой профессиональный праздник. Да-да. Двадцать восьмое января. Вы знали про это? Я нет.

Ох, как же широко и весело они его отмечали! Я, кстати, вспомнил – в том году в аккурат об эти числа у нас в доме трубу прорвало. Теперь понятно почему.

И в этом тоже без приключений не обошлось. Нет, начиналось все чинно-благородно – застолье на чердаке, пение песен, которые остальным жильцам слышны не были, а мне наоборот, пьяный Родька, притащившийся ближе к полуночи ко мне затем, чтобы сказать, что он еще немного задержится, потому что «они с ребятами сейчас еще гулять пойдут и в снежки играть». Нет-нет, я не осуждаю. Все понимаю, сам на день банковского работника веду себя не лучше.

Но зачем они после отправились «стенку на стенку» с подъездными из четырнадцатого дома устраивать?

Результат – два выбитых лобовых стекла у машин во дворе, воющая сигнализация остальных, сгоревшая детская горка.

И два «висяка» у местного отделения полиции. Ни подозреваемых, ни свидетелей.

Мало того – они поутру еще и за молоденькими жиличками в душе подглядывали, чего в обычные дни себе никогда не позволяли, а после в чьей-то пустой квартире телевизор смотрели. Боюсь себе даже представить, что именно.

В результате мне пришлось всю эту компанию квасом похмелять. Точнее – сначала за ним в магазин сходить, а уж потом отпаивать. Вот куда это годится?

Так что Карачун на фоне Дня домового – фигня. Как, кстати, и День десантника.

Но в целом это все вносило разнообразие в мою жизнь. А в ней имелись проблемы и посерьезней.

Например – все та же госпожа Ряжская, так и не оставившая свои попытки сделать из меня гибридный аналог доверенного лица и комнатной собачки. Нет, к настоящему моменту она наконец-то поняла тщетность своих попыток. Вернее – что время упущено. Ей бы тогда, в октябре, подналечь посильнее, пустить в ход тяжелую артиллерию в виде... Даже не знаю... Ну что-нибудь совсем уж мощное, пробирающее до костей изобрести. Фантазия у этой женщины бурная, придумать можно было.

А теперь все. Эта зима многое изменила – и вообще, и во мне.

Я перестал бояться. Не то чтобы совсем, поскольку страх наш господин и человек может от него избавиться лишь умерев. Если вам кто-то говорит, что он ничего не боится, то знайте, этот человек либо лгун, либо псих. Третьего не дано.

Но зато можно избавиться от огромного количества страхов, которые ты сам себе придумываешь. Надо просто перейти некий барьер, за которым приходит понимание двух вещей – мы все боимся в основном того, чего не стоит бояться, и мы все стремимся к тому, к чему не стоит стремиться. Хотя вопрос цели жизни – он индивидуален, тут я погорячился, пожалуй. Все мы разные, и понимание счастья тоже у каждого свое. У кого хлеб черствый, у кого жемчуг мелкий.

А вот страхи... Забавно вспомнить, что раньше вселяло в меня ужас! Например – опоздание на работу. Или – вдруг люди про меня плохо думать станут?

Да пусть думают что хотят. Тем более что в большинстве случаев оно так и есть. Каких гадостей я про себя только не наслушался за последнее время, какую чушь выдумывают люди! Мои соседки по кабинету, Наташка с Ленкой, эти слухи теперь коллекционируют, в обязательном порядке информируя меня о новых версиях того, как именно и почему я оказался в фаворе у собственников. Кстати – я сам больше двух версий сроду бы не придумал. Впрочем, тут как бы выбор вариантов невелик, на мой взгляд – либо я, либо меня. Первый почетней, второй современной. Но нет! Такое иногда выдают – волосы на теле дыбом встают. Например, то, что я в свое время сыну Ряжской жизнь спас, а как меня зовут, не сказал. Тут, в банке, она меня увидела, опознала и теперь вот наверх тянет.

Как по мне – феерический бред. Но в него верят! И плевать, что у Ряжских и сына-то никакого нет.

А самое забавное, будь я по другую сторону баррикад, тоже шушукался бы по углам и, возможно, даже выдвинул бы свою версию происходящего. Такова человеческая природа.

Хотя следует признать, что в знатоки-душеведы мне записываться пока рановато. Ничего я про тайны людской сути не знаю, как показал опыт. Просто мне недавно пришлось покопаться в голове у одной сотрудницы банка, так лучше бы я этого не делал. На вид – милейшая барышня. Тихая, невзрачная, безобидная, безответная, про таких говорят: «Кому-то хорошая жена достанется».

Ага. Слышали бы вы ее мысли. Иной маньяк, думаю, на ее фоне выглядел бы мальчиком, который скачет на палочке, держа во рту леденец.

Как же она ненавидела всех нас! Вообще – всех! Даже тех, с кем по работе не сталкивалась, вроде меня. Мало того что ненавидела – она вполне серьезно прикидывала, сколько яда надо всыпать в баллон кулера, чтобы переморить половину офиса. Нет-нет, делать она этого не собиралась, разумеется. Просто привычно рассчитывала дозу, попутно представляя себе, как каждый из нас будет умирать. И это был только один вариант геноцида местного значения. Уверен, что имелись и другие.

При этом она всегда всем улыбалась, никому в помощи не отказывала и говорила так тихо, что ее еле-еле расслышать можно было. «Тихоня» – так ее называли в бухгалтерии, а уж там всем давали куда более злые прозвища.

Когда меня Ольга Михайловна спросила о том, могу ли я читать мысли других, я в жизни бы не подумал, что речь идет именно об этой девчушке. Даже возражал Ряжской, убеждая ее, что тут какая-то ошибка и Геннадий зря на это божье создание напраслину наводит.

Впрочем, все равно согласился помочь, поскольку давно хотел провести эксперимент с зельем, которое помогает в голову к другим людям залезть. Сварил я его еще в январе, сразу после того, как рецепт узнал, но все как-то руки не доходили до практических опытов. Плюс еще там ограничение имелось

на использование, из которого было предельно ясно – просто так мысли других читать нельзя. В смысле – забавы ради. Цель нужна. Четкая, ясная, практическая, без нее зелье будет просто редкостно вонючей жижей мерзкого цвета, и не более. Ну и «отходняк» после этой процедуры неслабый, я сутки пластом лежал с гудящей как колокол головой. Думаю, так специально сделано, чтобы все кому не лень в чужие мысли не лезли.

Так вот – эта милая девчушка продавала инсайдерскую информацию о готовящихся сделках конкурентам Ряжских. Просто и незамысловато. Должность у нее была низовая, доступа к закрытым данным она иметь не могла, но мы ведь в России живем, правда? Потому именно ее и отправляли ксерить протоколы собраний, которые видеть никому было не положено. Почему? Так руководству у ксерокса стоять не по чину, они это секретарям поручали. А у секретарей всегда других дел полно, им недосуг самим куда-то ходить, потому и отправляли к «копиру» именно того, кто никогда не возмущается, когда ему подсовывают «левые» поручения. Как раз эту самую тихую и незаметную девочку.

Еще осенью меня, скорее всего, терзали бы сомнения – а надо ли было вот так? Кончилась-то история скверно. Девушку ту наказали, причем очень серьезно, насколько я знаю, ей потом в больнице пришлось полежать. Психиатрической. Она не сразу имена заказчиков назвала, и это было большой ошибкой. С такими как Геннадий надо сразу откровенничать, раз уж попалась. Дешевле выйдет.

Еще «безопасникам» здорово накрутили хвосты, секретариат разогнали почти полностью и новых референтов набрали. Ну и предправ наш все-таки отправился на «вольные хлеба». Его вины в произошедшем было меньше, чем у остальных, но он, увы, не вписывался в картину мироздания, которую себе нарисовали применительно к нашему банку супруги Ряжские. Проще говоря – нужен был повод, он появился. Не нашли бы этот, отыскался бы другой.

Но поскольку новым председателем правления стал Дима Волконский, я только порадовался. Он хороший человек и пост этот своим трудом честно заслужил.

И, что немаловажно, ему полностью безразлично, чем я теперь занимаюсь в банке. То есть то, что я ничем в нем толком и не занимаюсь.

Собственно, можно было бы из него вообще уволиться, но мне пока это не нужно. Боюсь предаться лени. Когда у человека нет сдерживающих факторов и

хоть какой-то доли ответственности, он очень быстро начинает дичать. Сначала перестает придерживаться распорядка дня, потом бриться начинает через два дня на третий, а после и вовсе переходит к растительному виду существования. Мол – все равно спешить некуда.

Я себя знаю, со мной так и случится. Леня вперед меня родилась, и соперничать с ней будет очень трудно. Потому и не увольняюсь с работы, хотя с определенной точки зрения этот шаг был бы оправданным.

Потому и против должности «личный помощник председателя совета директоров», предложенной мне в момент большого кадрового передела, я возражать не стал. Обязанностей по должностной инструкции минимум, ответственности тоже, в кабинете своем старом мне остаться разрешили. Плюс относительно свободный график. Но при этом на службу ходить все же надо, что гарантировало мне определенную внутреннюю собранность, о которой я, собственно, и пекся.

Я вообще стал больше думать о том, что удобно мне, чем о том, как я могу помочь человечеству. Хотя, правды ради, я о судьбах мира и до того особо не переживал, но при этом иногда позволял чувствам брать верх над разумом. Сейчас подобное случалось все реже и реже. Может, потому что круг моего общения здорово поменялся?

Тут надо вернуться немного назад и закончить рассказ о Ряжской и ее попытках меня выдрессировать.

Ольга Михайловна – она, на самом деле, неплохая. И действительно обо мне заботится. Настолько, что готова даже пойти на ряд действий, которые не слишком сочетаются с уголовным кодексом Российской Федерации. Я это ценю, я ей за это благодарен. Но не настолько, чтобы прыгать вокруг нее на задних лапах, как ей того хотелось бы.

После истории с Вагнерами она на некоторое время оставила меня в покое, в аккурат до того момента, пока во дворе банка не установили бюстик мне. Небольшой такой, аккуратный, бронзовый. Что значит «мне»? То и означает. Яна Феликсовна постаралась, выполнив данное некогда обещание. Она хоть женщина в общении сложная, но, как и положено немкам, слово свое держит, пусть даже и частично. Но я не в претензии, скупость представителей

германской нации давным-давно даже в пословицы с поговорками вошла. О чем я? Просто еще осенью она дала слово, что воздвигнет мне памятник в полный рост, причем из серебра, в том случае, если понесет ребенка. Судя по всему, звезды на небе сошлись, Яна Феликсовна осознала, что пребывает в тягости, и выполнила обещание. Но – не целиком, обошлась бюстом. Нет, я действительно про него что-то говорил, но там вроде бы еще выплата разницы стоимости в деньгах фигурировала. А вот про нее фрау будущая мать запомнила.

Но все равно – прикольно получилось. Он почти полдня у входа простоял, весь банк с ним сэлфи сделать успел, прежде чем по приказу Геннадия его демонтировали и утащили во внутренние помещения. Постамент сгинул без следа, а сам бюст перенесли к хранилищу, поставив рядом со столовой на старый ростовой сейф, который там находится с начала времен. Причем почти сразу у сотрудников появилась традиция тереть по дороге к холодильнику бюстов нос, типа «на счастье». Через пару недель нос засверкал как солнце, а Федотова, гнусно хихикая, долго распинаясь на тему того, что мне радоваться надо. Дескать – был бы памятник в полный рост, ему бы другие места терли, такие, что вслух сказать стыдно. И добро, если бы памятником все и ограничилось. У нас, русских, традиции иногда принимают крайне забавные формы. Мол – потри и там, и там, тогда счастья вдвойне больше станет.

Что любопытно – сама Вагнер даже не мелькнула на горизонте, возможно, все-таки по здравому размышлению сделав кое-какие выводы. Зато немедленно активизировалась Ряжская, начав мне давить на совесть, апеллируя к тому, что дети очередного рейха тебя хотят поработить, как пришельцы Землю, ты плохо их знаешь, ты даже не представляешь, какие они сейчас планы разрабатывают, они тебя в результате Меркель продадут. И только я одна стою между тобой и тевтонским нашествием на российскую медицину.

И давай ко мне своих знакомых таскать, как правило, с бесплодием. А между ними взяла привычку и более экзотические задачки подкидывать, вроде как с той девицей-информатором. Или обращаться с просьбой определить, правду человек говорит или же врет.

Причем то, что в девяти случаях из десяти на ее просьбы я отвечал отказом, Ряжскую совершенно не смущало. Она обладала упорством улитки, ползущей по склону Фудзи, довольствуясь тем самым одним успешным разом из десяти.

В результате, к апрелю месяцу у нас с ней установилось нечто вроде паритета. Она не наседала на меня так, как раньше, поняв, что лучше меньше да лучше, я же время от времени брался за интересные случаи, которые изредка подкидывали те, кого она приводила в банк.

Ну и докладывал ей о тех, кто периодически пытался подобраться ко мне со стороны. Да-да, и такие встречались. Как правило, из числа тех, кому я по просьбе Ряжской помог, точнее – из их окружения. Язык за зубами у нас люди, избавившиеся от хвори, сроду держать не умели, им надо поделиться своей радостью со всем миром, что они и делали. И всегда находились те, кто умел слушать и слышать главное.

Поначалу все выглядело даже мило. Ко мне в лучших традициях жанра подкатывали добрые люди на машинах и просили в них сесть для последующей беседы. Реже останавливали около подъезда. Совсем редко – пытались поговорить прямо на работе.

А один раз в феврале даже похитили, после того как я отказался что-либо обсуждать даже в первом приближении. Дали сзади по голове, привезли в какой-то загородный дом, там стращали всяко, а после, сдуру поверив моим словам о том, как я испуган, с меня сняли наручники.

Нет-нет, я никого не стал убивать. Я все еще не могу переломить себя и забрать чью-то жизнь, хотя за прошедшее время не раз слышал о том, что именно кровь врага на моих руках может открыть мне новые грани знания. И, что важнее, показать мне путь к таким высотам, о которых я в своем миролюбиво-травническом состоянии даже помыслить не могу.

Может, оно и так. Но я не стал тогда никого убивать, даже в тот момент, когда эти люди, перейдя от посулов к угрозам, здорово меня разозлили.

Глава вторая

Случись все это прошлой осенью, когда ко мне только приходило понимание того, как и что устроено в этом мире, наверное, я бы на самом деле здорово

напугался. Но то тогда. А сейчас...

Одного из тех, кто беседовал со мной по душам, я вывел из строя, уколов простой булавкой, которая с недавнего времени всегда была воткнута в лацкан пиджака. Точнее – булавка, верно, являлась самой обычной. А вот тот состав, которым я ее щедро обмазал – нет. Это был сок корня одолень-травы, смешанный с сушеным баранцом. Эти травы и по отдельности сильны, а в смешении, да после нанесения их на металл и прочтения соответствующего заклинания, получают особые свойства. Например – могут полностью парализовать человека, особенно если ткнуть иглой куда-нибудь поближе к сердцу. Станет тот человек на время бревну подобным, только глазами шевелить и сможет.

Оставшейся парочке повезло меньше, я попотчевал их смесью сушеного страстоцвета с волчегородником, также всегда находившейся у меня в кармане, в специальном отделении, скроенном так, чтобы ничего не просыпалось. В глаза им ее швырнул, пока эти болваны пытались понять, что с их другом происходит и с чего это он на пол повалился как подкошенный. Если честно, не подозревал, что настолько эффектно выйдет. Испытания этой смеси я не проводил, потому до конца не представлял, как она сработает. Догадывался, но не более того.

Эти двое ослепли. Не насовсем, разумеется, но они-то этого не знали. Дикая боль в глазницах добавляла ужаса в ситуацию. Ох, как они орали, сразу забыв и обо мне, и обо всем, что вокруг находится!

Получилось даже лучше, чем можно было ожидать. Для меня лучше, а не для этих бедолаг. Получается, все верно я сделал, и каждая из трав отдала смеси свою исконную злобу, а сцементировала все капля истинного мрака, которую была вложена в этот сбор на финальной стадии.

Я даже перепугался немного, что они таким макаром сами себе глаза выцарапают. Им же невдомек, что через полчаса все закончилось?

Нет, все-таки книга древних знаний, которую время от времени дает мне читать Морана – это великая вещь!

Да-да, я получил доступ к той книге, что находилась в тереме Мораны. Все-таки несговорчивого Никандра по приказу Рязской на дно реки отправили, я в этом

убедился следующей же ночью после того, как он покинул грешный мир. Ну да, я сам руку к его смерти, разумеется, не прикладывал, но при этом явился причиной гибели старого «мага вечности», этого оказалось достаточно для того, чтобы богиня смогла попасть в свой терем. Я же отдал ей его в жертву? Слово было сказано и услышано.

И знаете что? Не жалею. Совершенно. Да, деда Никандра жалко, хоть был он, конечно, пакостником тем еще. И, к слову, отправься я на тот свет, он бы по мне не скорбел, это уж точно.

Но его кончина открыла передо мной врата немалых возможностей, которые совершенно нельзя было сравнить с теми, что у меня имелись раньше. Что моя ведьмачья книга на фоне черного фолианта Мораны, переплетенного в некий материал, который более всего напоминает человеческую кожу? Это как букварь сравнивать с энциклопедическим словарем. И самое главное – там описаны вещи, которые на самом деле могут меня защитить от тех, кому нужна моя голова. Как, например, в том случае, который я описываю.

Собственно, дальше с теми, кто решил меня немного попрессовать вдали от людей, все было просто. В доме обнаружилась еще парочка охранников, причем тоже не очень высокой квалификации, которые были глупы настолько, что дали мне приблизиться к себе вплотную. Большая ошибка. На расстоянии я, по сути, также безобиден, как и раньше. А вот вблизи...

Впрочем, мне повезло, разумеется. Будь там хоть один профессионал, получил бы я пулю в живот, как минимум. А этих, похоже, наняли по объявлению.

Помимо охранников в этом доме жили еще двое – мужчина и женщина. Причем женщину я сразу узнал. Она приходила ко мне с просьбой о помощи и получила отказ. Я не берусь лечить тех, чей срок на земле вышел полностью, а в случае с ее мужем дело обстояло именно так. С недавнего времени я стал ощущать некую границу, которую мне иногда очерчивает кто-то очень сильный и властный. И я точно знаю, что пересекать ее не следует, для собственной безопасности в первую очередь. Я не в курсе, кто эта сущность, хотя, конечно, и догадываюсь, но проверять свои домыслы точно не хочу, боже упаси. Мне достаточно того, что в нужный момент меня обдаёт холодом не этого мира, давая понять, что я снова лезу не в свое дело. Причем совершенно необязательно, чтобы я в этот момент говорил с тем, кому непосредственно нужна помощь, достаточно того, чтобы мне изложили просьбу.

С этой женщиной так и получилось. Ее муж был обречен, и я честно ей про это сказал. Но она, как видно, не поверила мне, после чего стала решать вопрос по-другому.

Кстати, в тот момент, когда мне стало ясно что к чему, я перестал злиться. А смысл? Человек просто делает все, чтобы помочь тому, кого любит, это достойно уважения. Пусть даже лично мне это принесло ряд дискомфортных ощущений.

Не зверь же я, в конце-то концов?

Я даже Ряжской ее не стал сдавать, хоть та и просила меня докладывать обо всех происшествиях подобного толка.

А еще подарил своей похитительнице зелье быстрой смерти. Есть у меня и такое, тоже теперь всегда таскаю с собой, сам не знаю зачем. Ношу и ношу, тем более что зелье это представляет собой маленькое зернышко, размером схожее с тминным. Маленькое-маленькое, а три таких слона убьют. Человеку достаточно одного. Пять минут, потом глаза слипаются, он засыпает и все. Но основной фокус в том, что это не яд. Это концентрированная смерть естественного происхождения. Земля со старой могилы, пара трав, растущих близ погостов, еще кое-какие добавки. Ни один анализ не определит, ни в одной лаборатории. И посмертие будет после него правильное, не такое паскудное как у отравленных, или, боже сохрани, самостоятельно отравившихся.

Только пользоваться им надо по уму. Такие вещи нельзя использовать наживы, мести или власти ради, об этом в рецепте особо говорится. Еслипустишь его в ход, преследуя подобные мотивы, зло, что ты причинил, к тебе вернется трижды три раза. Не знаю, что может быть хуже смерти, и знать не желаю, потому с этой красивой и очень печальной женщины я копейки за данный смертный дар не взял. Только отвезти себя домой разрешил, когда охранники в сознание пришли.

Правда, трое из них со мной в одной машине ехать сразу отказались. Боялись. Крепкие такие ребята, а от меня шарахались как от бешеного пса. Забавно!

К подобному тоже начинаю привыкать. Я тогда, осенью, не очень-то верил в то, что свалившаяся на меня сила что-то в моей личности поменяет. Ан нет, правы были те, кто это предвещал. Меняюсь помаленьку. Не внешне, там все как было,

так и осталось, разве что лишний жирок потихоньку с боков сошел незаметно. А вот внутренне... Это есть. Рязская, которая такие вещи ощущает, по-моему, интуитивно, так мне и сказала:

– Мальчик становится мужчиной. Знаешь, Саша, раньше я испытывала к тебя чувства, которые сродни материнским, разумеется, весьма условно. А теперь о подобном говорить просто глупо.

Хотя это все слова, слова... Стоит чуть-чуть утратить внимание, позволить ей сесть на шею – и она тут же начнет поворачивать меня в том направлении, которое выгодно ей.

Но в одном она права – первые шаги я все-таки сделал. Где-то через «не могу» и даже через «не хочу». «Не хочу» – потому что жалко было прощаться с самим собой прежним. Только выбор невелик – иди вперед или умри.

Когда Морана открыла свою книгу и позволила мне в нее заглянуть, вот тогда я и понял, какая бездна лежит между мной и теми, кто живет в Море Ночи. Например – с тем колдуном, который обещал построить мне козью рожу.

Я даже не сопляк перед ним. Это как-то по-другому называется. И все мои осенние прикидки, как я поймаю его в очень-очень хитрую ловушку, не более чем лепет младенца.

На то, чтобы создать маленький клочок истинного мрака, у меня ушло три месяца. Сейчас, разумеется, я это повторю гораздо быстрее, но сил и времени все равно потрачу немало.

А он меня им ослепил на ходу. Между делом. Забавы ради.

Учитывая то, что создание истинного мрака в волшбе – это основа основ, можно сделать вывод, что шансов одолеть его в открытом поединке у меня не просто нет. Они в минус уходят.

Да, я с легкостью сейчас одолею нескольких охранников, не ожидающих ничего подобного от перепуганного банковского клерка, которому чуть в пузо ударишь, он и поплывет. Но с матерым колдуном, за которым стоят поколения предков,

промышлявших черной волшбой, мне не тягаться.

Если, конечно, не иметь за спиной тех, кто может помочь. Например – богиню, которая его ненавидит.

Вот только и тут все тоже не так просто, как хотелось бы. Впрочем, чего еще ждать от той, которая помнит если и не начало времен, то, как минимум, мир в пору его молодости?

Нет-нет, формально Морана мне покровительствует. Она всегда встречает мое появление улыбкой, если это движение губ можно так назвать, она пустила меня в свой дом, что, как я понял, изначально немало значит по Покону, она позволила мне заглянуть в свою книгу. Мало того – она даже расщедрилась на комментарии к нескольким заклятиям и рецептам, из тех, что я смог прочесть и понять. Да-да, далеко не все, что я в этой книге увидел, доступно для моего понимания. Ряд страниц остаются пустыми, я ничего на них увидеть не могу. Все строго по народной пословице – смотрю в книгу, вижу фигу. Не хватает мне мудрости и силы для того, чтобы прочесть там начертанное. Это другой мир, он живет по другим правилам. Тут каждый получает ровно столько, сколько может унести. Я пока только пару капель воды в горстях удержать могу. Это не мои слова, так Морана сказала.

И она же подтвердила, что будет рада сыграть для меня роль проводницы в мире тайных знаний. Но, естественно, не за так. Ей нужно вернуть часть той мощи, что была рассыпана бисером за века. И кроме меня об этом ей просить некого, нет никому сюда пути. Как видно, никто из ведьмаков общением с мертвыми более не промышляет, я единственный в своем роде на текущий момент.

Мне же совершенно не хочется делать то, что она от меня требует. Не хочу я людей губить по ее прихоти, а ей другая жертва, видите ли, не подходит. Ей жизни людские нужны, дабы вернуть утраченное.

В результате образовалось нечто вроде патовой ситуации, как в шахматах. Я не собираюсь вставать на путь душегуба, она делает все, чтобы я получал новые знания в неполном виде. То есть, вроде как Морана и слово, данное мне ранее, держит, но при этом толку от происходящего чуть.

Самое забавное, что все мои осенние домыслы по поводу экспансии Мораны в наш мир оказались полной чушью. Он ей как прошлогодний снег нужен. Это я просто фантастики перечитал. Там же что не книга, так славянские боги рвутся захватывать Землю, дабы восстановить на ней свою власть.

Нафиг им это сдалось, если рассудить трезво? Времена изменились, и боги куда лучше, чем любой из нас, это понимают. Чтобы получить власть над людьми, надо захватить их души, а это сделать просто невозможно. Во второй раз – невозможно. Она мне так и сказала в одном из наших разговоров:

– Если бог выпустил из своих рук власть над теми, кто ему поклонялся, то возврата к прежнему не будет никогда. Люди не признают павших богов. Даже если пройдут сотни поколений и новым людям на новой Земле будут неведомы имена тех, кто некогда оплошал, все равно ничего не изменится. Память крови сильнее. Род дал нам все, мы это пустили на ветер. Что теперь гоняться за пеплом?

И ведь она не врала. Морана вообще никогда не врет, ей это ни к чему.

Но сила ей все равно нужна. Очень нужна, я это вижу. И, сдается мне, догадываюсь, почему. Она кого-то боится, не знаю кого, но это так. Сам видел несколько раз, как Морана на тот, противоположный берег реки Смородины смотрит, и лицо у нее становится как у моей бывшей, когда я на вечер встреч выпускников ходил. Там и тревога, и непонимание, и предвкушение скорого скандала. Все сразу.

Я пытался узнать, что ее тревожит, но молчит богиня, не желает делиться сокровенным. И знай меня подводит к мысли о том, что надо все же от мягкотелых людских привычек отучаться.

А чтобы умней был, время от времени закрывает мне возможность припадать к первоисточнику, пусть даже и в ознакомительно-урезанной версии. К книге, в смысле. Связь-то у нас с ней односторонняя. Если она не желает меня видеть, то мне к ней никак не попасть. И это тоже меня печалит, потому что я не знаю, когда колдун вернется в город. Может выйти так, что мне совет понадобится позарез, и вот что тогда делать?

Я пытался найти способы попадать туда, за Кромку, самостоятельно. Один нашел, только он такой, что нафиг надо.

Рассказал мне про него Афоня, бывший слуга покойного Артема Сергеевича, моего несостоявшегося наставника в ведьмачьих науках, ныне проживающий в неприметном домике, примостившемся в глубине сухаревских переулков.

Как я и полагал, знал Афанасий много чего, потому как разного насмотрелся, обитая рядом с таким матерым ведьмаком, каким являлся его бывший хозяин. В том числе слышал он и про переход смертного за Кромку. Рассказывать, правда, он мне сначала про это очень не хотел, но я подключил административный ресурс в лице Николая, и разговор продолжился. Правда, радости никакой я от услышанного не испытал. Да и Нифонтов тоже брезгливо морщился, да то и дело на меня поглядывал.

– Может ведьмак, который, стало быть, с Той Стороной на «ты», за Кромку попасть, – бубнил Афоня, сидя на лавке, качая лапами и не поднимая на нас свой единственный глаз. – Еще туда дорога ведьмам открыта, тем, что обряды заклада посмертия прошли. Но таких я ни разу не видел, хоть давно живу. Ведьмы – они хитрые. Чужую душу, что им по дури или по простоте на блюде поднесут, всегда заложить готовы, или за копейку продать. Чужое ж, не жалко. А свою – ни-ни. Они посмертия лихого ох как боятся! Не хотят ответ за свои грехи держать.

– Я в курсе, что ты ведьм не любишь, – поторопил Афоню Нифонтов. – Ты про ведьмаков говори.

– Плохой обряд, – наконец глянул на меня своим единственным глазом мохнатый собеседник. – Тебе его не надо исполнять. Ты не из тех, кто подобное творить станет.

– Ну-у-у-у? – я даже рукой потряс, давая ему понять, что мне надо наконец услышать, чего именно я делать не должен.

– Смерть дорогу за Кромку открывает, – вздохнув, сообщил нам Афоня. – Людская, не скотья. На границе между Явью и Навью надо человека медным ножом убить. Нож тот должен быть омыт в семи природных водах да умащен семью заветными травами. Ну и некрещеной жертва должна быть, понятное

дело, иначе не откроется проход.

Вот в этот момент на меня Николай и глянул испытывающе.

– Ты дурак? – верно истолковал его движение я. – За кого меня держишь? Да и где сейчас некрещеного человека найдешь? Нынче вера в тренде.

– И сразу решить надо, куда именно ты путь держать хочешь, ежели тебе сами серые пустоши Нави не нужны. Коли в Пекельное царство дорога потребна, к тем, кто за вины свои там терпит муку, то жертвой должен быть злодей заугольный, – бубнил тем временем Афоня, прямо как книгу читал. – Душегуб там, конокрад, хитник прожжённый. Женка блудливая тоже сгодится, из тех, что не от мужа понесла, а ему про то не сказала.

– А если в Ирий? – навис над мохнатиком Нифонтов. – Тогда кого?

– Дите безгрешное, – провел коготком по горлу тот. – Кого ж еще?

– Капец что такое! – Меня даже передернуло. – Ну нафиг такие способы передвижения! Это без меня.

– У моего бывшего хозяина не получилось, – безучастно сообщил нам Афоня. – Раз пять пробовал дорогу открыть, а все никак.

– Мало он тогда помучился, – зло бросил Нифонтов. – Знал бы, не дал ему так просто умереть.

– Ты думай, что говоришь? – посоветовал ему я – Просто! Ты вспомни, как он умер, и пойми, что лучше, чем тогда получилось, ты бы не сделал.

– Спорный вопрос, – пробурчал Нифонтов. – Откуда тебе знать?

– Даже спорить не стану, – спокойно ответил я ему. – Это все равно не имеет смысла. И, Коль, не надо сейчас фраз вроде: «Все вы ведьмаки одинаковы», или чего-то в этом роде. От кого, от кого, а от тебя я такого слышать не хочу. У вас уже есть мисс Очевидность, не претендуй на ее лавры.

– Ладно, проехали. – Николай ухмыльнулся. – Но дом тебя к себе ведь не подпускал, согласишься? А это что-то да значит.

Это да, это правда. Дело в том, что я не смог найти здание, в котором квартировал отдел «15-К» ни со второй, ни даже с третьей попытки. Вроде шел правильно, и поворачивал где надо, но раз за разом попадал в Последний переулок. В принципе, вся Сухаревка – это одни переулки, но меня ноги приводили именно в этот, Последний.

В результате я сообразил, что дело нечисто, и включил навигатор, который, вступив в соревнование с неведомой силой, упорно не пускавшей меня туда, куда нужно, ее поборол, доказав торжество науки над нездоровой мистикой. Проще говоря, – добрался я до здания отдела. Дверь, правда, так открыть и не смог, как ни старался.

– Ничего это не значит, – подал голос Афоня. – Дело тут не в том, черно у Александра внутри или нет. Просто он теперь на два мира живет, а дом это чувствует. А зла в нем пока нет, я бы знал.

– Вот, – торжествующе заявил я, и протянул мохнатику руку, которую тот робко пожал. – А тебе, Николай, скажу так, – придет война – хлебушка попросишь.

– Припоминай сколько хочешь, – не поддержал мою шутку оперативник – Но главное помни – есть вещи, которые ни я, ни мои коллеги понять и простить не смогут. То, о чем нам Афоня рассказал, – из их числа.

– Знаешь, хватит на меня сегодня банальностей, – не выдержал я в результате. – И, знаешь – кляв в том, что я был хорошим мальчиком раньше, и планирую им же оставаться в будущем, давать не стану. Это, как минимум, унинительно. Сейчас я тебе союзник, но ты все чаще заставляешь меня задумываться на тему: «а стоит ли им быть дальше»? Поразмысли на этот счет. Как следует поразмысли. И вспомни о том, что весна – это уже скоро.

Сдается мне, что про этот разговор потом узнал его начальник, поскольку на следующий день Нифонтов позвонил мне и извинился. Условно, но все же.

А я извинения принял. Тоже условно.

Но вообще разговор полезный вышел, чего скрывать. Я потом слова Афони в голове гонял и так и сяк, пока не додумался вот до какой штуки. А что если покойный ведьмак своими ритуалами Морану разбудил? Ну не просто же так она воспрянула после бог весть скольких сотен, кабы не тысяч, лет сна? Он ее разбудил, но силенок перешагнуть через Кромку так и не обрел, потому и затеял провести финальный ритуал, который, возможно, дал бы ему шанс на удачу. Но тут в дело вмешался случай в моем лице, который спутал все карты сразу всем – и Артему Сергеевичу, и Моране, и даже мне самому.

В результате Морана, помыкавшись в сумерках, потянулась мыслью хоть к кому-то, кто ее услышит. Вот так мы с ней и встретились в первый раз.

Впрочем, возможно, тут свою роль сыграла как моя узкая специализация, так и то, что в ритуале я все же поучаствовал. На камушке полежал, где кровь лилась, души тех, кто был убит в процессе волшбы, отпустил. Вроде бы мелочи, да только они в совокупности могли составить некое целое, которое вылилось в мои хождения за Кромку.

В любом случае – есть то, что есть. Вот только мне этого маловато. Я учиться хочу, а возможности такой не имею.

Чего далеко ходить – в последний раз я видел Морану почти месяц назад. С тех пор – ни слуху ни духу. И я знаю почему. Так она меня прессингует, дает понять, что условия – это ее прерогатива. А мне остается только их принять.

Не богиня, а наркодилер какой-то. Методы, по крайней мере, те же самые. Подсадить на препарат, а потом цену на него назначать.

Ее бы с Ряжской познакомить. Мамой клянусь, иногда мне кажется, что эти двое – сестры. Замашки одинаковые потому что. «Нет-нет, мы не требуем, но хорошо, если ты сделаешь так-то и так-то. Ты же послушный мальчик, правда?».

Может, грохнуть одну из них, чтобы другая порадовалась? Не панацея, конечно, но как вариант – запросто может пройти. Половину проблем с плеч долой.

Шучу, разумеется. Ольга Михайловна – не самый плохой человек, на самом-то деле. И понятливый. Я же говорю – она уловила то, что я меняюсь, и очень гармонично к этому приспосабливается.

Потому я иногда выполняю ее просьбы. Вот и сегодня оказал небольшую услугу, а именно – узнал, где именно некто Соломин Денис Леонидович держит компромат на ряд политических и финансовых деятелей. Этот Соломин – давний недруг семейства Ряжских, именно его жену меня Ольга Михайловна убить подбивала осенью. Да и потом время от времени намекала, что не очень бы по ней скорбела, случись чего.

Пачкать руки я не стал, это перебор, но нужные данные добыл. Тем более что большого труда это не составило. Жанна всегда пройдет туда, куда надо, и увидит все, что нужно.

Черт, ну как же пахнет весной! Это просто беда какая-то! Аж кровь в венах закипает. Интересно, когда первый лист полезет? Или не ждать его и все же прогуляться на погост, поприветствовать моего старого друга? Прозвучит странновато, но я здорово соскучился по этому странному и, чего уж там, жутковатому существу, которого все называют Хозяином Кладбища. Он, может быть, и не самый приятный в общении собеседник, зато всегда говорит то, что думает. А это в наше время очень большая редкость.

Я достал из кармана телефон и набрал номер Ряжской. На условности вроде того, что вроде ночь на дворе, а она не время для звонков, мы с ней плюнули уже давно. Точнее, Ольга Михайловна мне объяснила, что такого понятия как «неурочный час» в большом бизнесе нет. Есть нужные и ненужные разговоры. За пустую трату ее времени и днем можно по заливку схлопотать, а за полезные данные даже ночью благодарность получить.

Благодарность ее мне была по барабану, но раз дело сделано, чего тянуть?

– Мое почтение, – весело, не сказать залихватски, поприветствовал я Ряжскую, снявшую трубку после третьего гудка. – Поздорову ли, Ольга свет Михайловна? Единорог не приснился ли?

– Меня всегда радовал твой интеллектуальный багаж, Саша, – подавив зевок, ответила мне бизнес-леди. – Умеешь к месту и времени процитировать классику.

– Есть такое, – с гордостью признал я. – Ладно, не буду надолго вас вырывать из объятий Морфея. Ольга Михайловна, вы были правы, есть кое-что у вашего

закадычного недруга. И на вас, и на других достойных господ.

– Стоп, – скомандовала Ряжская. – А вот дальше не по телефону. Сколько раз тебе говорила – тому, что не можешь контролировать на сто процентов, не доверяй.

– Согласен полностью, – одобрил ее слова я. – И как раз поэтому никогда не понимаю, когда вы на меня обижаетесь за то, что не все вам рассказываю. Я же не могу вас контролировать на сто процентов? Хотя, врать не стану, не отказался бы.

– Шутник. – Из голоса Ряжской уже полностью испарились сонные нотки. – И чего я тебя терплю столько времени?

– Потому что я умный, добрый и красивый. А еще – покладистый и не алчный.

– Повидать бы того славного молодого человека, про которого ты рассказываешь, – не осталась в долгу Ряжская. – А лучше – познакомь меня с ним. Я его усыновлю. Сколько времени?

– Четвертый час утра, – глянул я на луну. – Скоро рассвет.

– Когда ты вообще спишь?

– На работе, – даже не стал скрывать я. – Вас неделю как в банке не видно, стало быть у меня, как у вашего помощника, дел вовсе никаких нет. Потому веду на службе растительный образ жизни – ем да сплю.

– А потом все ваши кумушки обсуждают то, что старая курва Ряжская совсем Смолина заездила, – заметила моя собеседница. – Мол, всю ночь на нем скачет без усталости.

– Вы слишком хорошо думаете о моих коллегах, – возразил я ей. – Увы, но про вас никто и не вспоминает, все лавры достаются мне. В переносном смысле, разумеется. Как меня только не называют!

– Да уж знаю, – хмыкнула женщина. – Цензурные выражения почти не встречаются. Ладно, давай-ка часам к семи выходи к подъезду. Поедем сначала позавтракаем, а после в наш офис наведемся. Думаю, без Паши обсуждать этот вопрос будет не слишком верно.

Сказала и повесила трубку.

Врать не стану – в главный офис «Р-Индастриз» на встречу с господином Ряжским меня не очень тянуло. Нет, так-то он мужик вроде неплохой, я видел его несколько раз, и никаких негативных моментов не возникало. Но это не значит, что так будет всегда. До него ведь тоже могли донестись слухи о том, что его супруга ну очень много внимания одному молодому человеку уделяет. Почти беспочвенные, к слову.

Вот тоже интересно – а сейчас он где? Ряжская сказала о нем так, будто его вообще рядом нет.

Впрочем, кто их, небожителей, знает. У них там свои отношения, о которых мне лучше и не знать.

– Знаешь, Жанна, а скажи-ка ты мне на всякий случай код от сейфа, – подумав с минутку, сказал я девушке-призраку. – Пусть будет.

Увы, но точный порядок букв и цифр она и в самом деле не помнила. Всем хороша моя новая помощница, только вот память у нее девичья. Если сразу упустил момент, потом все, начинается: «Ой, нет, там не циферка пять была, а буковка. Ну как на пряжке ремня от джинсиков, что я прошлым летом купила». Откуда мне знать, какие именно джинсики она тогда себе приобрела?

Помучавшись так минут десять, я устало вздохнул и отпустил Жанну погулять по городу. С собой я ее никогда не приглашал. Нечего в моем доме призракам делать, знаю я их повадки – один разпустишь, потом за порог не выставишь, там останется только жесткие меры применять. А я к Жанне привык уже, так что не хотелось бы до такого доводить. Она хоть и не титан мысли, но по-своему очень даже смысленная. И не ноет, как другие ее коллеги по цеху, требуя от меня отпустить ее на волю или, того хлеще, вовсе оживить. Да-да, и такое случается. Один призрак недавно за мной таскался несколько дней, настаивая на том, чтобы я сей же час вернул ему его тело и все, что к данному объекту

прилагается. С чего он взял, что я ему собираюсь помогать? Ну да, «врезать дуба» накануне собственной свадьбы от перитонита – это как минимум неприятно, но я-то тут при чем?

И так он меня достал, что в результате я его отправил в конечный пункт назначения. Поженил с вечностью, так сказать.

Жанна исчезла как всегда неслышно и незаметно. Опять, наверное, пошла бродить в залах дорогих магазинов женской одежды, вздыхать, глядя на ценники, и безуспешно пробовать снять очередную эксклюзивную шмотку с вешалки.

Я же встал со скамейки и потянулся, чуть не задев рукой кормушку для птиц. Их зимой на деревьях развесили наши дворники, Фарида и Хафиз, люди невероятно добродушные и сердобольные. Они их еще и надписями снабдили, вроде «Птичка заходи, семечка кушай!». Чтобы, значит, пернатые точно знали, что здесь ФМС им бояться не следует.

Мне это настолько пришлось по душе, что я и сам несколько раз в эти кормушки пшено сыпал. А почему нет?

Спать ложиться смысла уже никакого не было, потому я решил довести до ума одно дело, которое уже несколько дней не давало мне покоя, только, прежде чем за него взяться, следовало соблюсти некоторые приличия. С некоторого времени я к подобным вопросам относился более чем аккуратно, окончательно осознав, что в мире Ночи традиции, устои и уложения значат куда больше, чем в обычном мире. У нас ведь как? Если нельзя, но очень хочется, то можно. Тут такой номер не пройдет. Может, нарушение общепринятых правил в первый раз с рук сойдет, сделают тебе скидку на незнание, но во второй уже точно нет. А память у тех, кто живет под Луной, долгая, рассчитывать на то, что тебя простят и поймут, не стоит.

А кое-кто и на первый раз скидку делать не станет. Сделал – отвечай. Незнание законов не освобождает от ответственности. Тем более, что от тебя ничего такого и не требуют. Надо просто соблюдать правила приличия и уважать тех, кто живет рядом с тобой. Вот и все.

Я стукнул пару раз по стене кулаком и негромко произнес:

– Вавила Силыч, ты не спишь? Зайди на чаек, надо кое о чем пошептаться.

Глава третья

– Наболтался с покойницей? – проворчал Вавила Силыч, вылезая из-за холодильника. Он словно ждал моего приглашения. – Не приваживай их к дому, Александр, не приваживай! Нечего им тут шататься!

– Да я и не приваживаю, – возразил я, включая чайник, который немедленно зашумел. – Она у меня одна и есть, вот эта «помогайка». Славная девчушка, жалко, что мертвая.

– Не слушаешь ты меня, а зря. – Вавила Силыч покачал головой. – А ты чего сам на стол накрываешь? Этот-то где?

– Дрыхнет, – рассмеялся я. – Без задних лап. Чаю надулся с булкой изюмовой, телевизора насмотрелся и ухо теперь давит. Да и пусть его. Сейчас разбудишь, он два часа будет ворчать и сопеть.

– Разбаловал ты его совсем, – пожурил меня подъездный. – Он тебе на шею сел и лапы свесил, а ты и рад!

– На меня где сядешь, там и слезешь, – парировал я его фразу. – Ничего, вот сейчас подсохнет земля маленько, мы в Лозовку поедем. Там он у меня поработает вволю. Огород вскопает, листву соберет прошлогоднюю, деревья побелит. Да мало ли что я придумать могу? У меня богатое дачное прошлое, мама постаралась. Кстати, Вавила Силыч, не хочешь с нами? Воздух, тишина, рыбалка. А что? Неужто тебе отпуск не положен?

– Шутник, – фыркнул подъездный. – Кабы мог – поехал бы. Но ты же знаешь, что мне от дома далеко да надолго не отойти.

– Жалко, – не кривя душой произнес я. – Правда, жалко. Хорошо бы время провели. Слушай, у меня только сушки есть и сухари с сахаром. Не успел в

магазин сходить.

– Ничего нет, говоришь? – покосился подъездный на комнату, откуда раздавалось Родькино похрапывание. – Или просто кто-то жрет так, что скоро поперек себя шире станет?

– Да запрягу я его в работу. – Мне было сложно удержаться от смеха, но все же удалось это сделать. – Запрягу. Ну хочешь, к себе его бери на недельку опять. Небось есть, чем занять?

– А то! – мигом успокоился подъездный и отпил чаю. – Весна, дело любому найдется, даже такому никчёме. О чем хотел поговорить? Не про это недоразумение мохнатое поди?

– Нет. – Я пододвинул подъездному вазочку с сушками. – О другом. Я тут собираюсь кое с кем повидаться, и не могу тебя об этом не предупредить.

– Александр, мне очень приятственно, что ты во мне видишь не просто суседушку, – чуть не поперхнулся Вавила Силыч. – Но обо всем, что ты делаешь, советоваться все ж таки не след! Я тебе, чай, не родитель, да и ты уже не несмышлениш.

– Да не о том речь, – рассмеялся я, похлопав его по спине. – Хотя совет умудренного жизнью подъездного, понятное дело, лишним никогда не станет. Сейчас о другом речь. Мне с марой надо пообщаться, а без ведома общества и твоего лично, творить такое в нашем доме не хочу. Я помню, как оно прошлый раз вышло, так что решил проявить уважение и с тобой посоветоваться.

– Мара? – насупился Вавила Силыч. – Опять? Вот на кой тебе эта погань, а? Ладно, иные зелья ты варить стал такие, что оторви да брось. Мертвячек привечаешь – тоже пусть их, хоть и не к добру это. Но отродье темной госпожи сызнова сюда тащить...

– Мне тоже радости ее видеть никакой нет, – стоял на своем я. – Но – надо. Человека она убивает, понимаешь? И в этом есть моя вина. Ну да, человек тот, прямо скажем, так себе, но не настолько, чтобы я желал ему смерти.

– Предупреждал ведь я тогда тебя! – помахал у моего носа крючковатым пальцем подъездный. – Говорил! Но ты же неслух!

– Согласен, – понурил голову я. – Признаю. Но и ты пойми – что мне тогда известно было? Хрен да маленько. Вот и наломал дров, теперь исправлять надо. Вавила Силыч, ты бы с Кузьмичом перекинулся парой слов по этому поводу прямо сейчас, а? Чтобы в дальний ящик не откладывать. А то он опять со своей кувалдой примчится, зашибет еще кого по дороге.

– Этот может, – согласился Вавила Силыч. – И остальных за собой притащит.

– Вот потому и прошу тебя – предупреди их всех, что скоро гостя ко мне пожалует. Ненадолго, пусть не волнуются. Там разговора минут на пять-десять, не больше.

– Ты в этом уверен? – хмуро осведомился подъездный. – Мары – древнее зло, его так просто под лавку не загонишь. Один раз ты уже оплошал, с чего думаешь, что теперь все по-твоему выйдет?

– Времена меняются. – Я встал и подошел к окну. – Раньше мне хотелось жить так, чтобы грешным делом никого не обидеть.

– А теперь?

– А теперь понял, что не бывает такого. Каждый поступок, какой бы он ни был, ведет к тому, что кто-то доволен будет, а кто-то нет. Невозможно всем угодить и самому при этом в стороне остаться.

– Так-то оно так. – Вавила Силыч допил чай, перевернул чашку и положил ее на блюдечко. – Только ты, Александр, не забывай, что вокруг тебя другие люди живут, вот что важно. Ну и мы тоже, нелюди. Я слова подобные раньше слышал уже, и те, кто их произносил, не всегда хорошо дни свои заканчивали. Да вот хоть бы в позатом веке чего у меня приключилось! Жил я тогда в деревне Коньково, там, где яблоневые сады раньше были знатные. У, какие сады! На всю первопрестольную наши яблоки славились!

– Вавила Силыч, луна бледнеть начала, – виновато произнес я. – Давай дело сделаем, а потом я твою историю послушаю.

Хотя тут вопрос был не только в луне. Мне хотелось побыстрее закончить то неприятное дело, которым, без сомнения, являлось общение с марой.

Подъездный покосился на меня, укоризненно вздохнул и нырнул в щелку, которая разделяла столешницу и плиту.

– Как он это делает? – уже в сотый раз спросил я сам у себя, причем вслух. – Вот где она, магия-то!

Минут через пять подъездный вернулся, правда, выбрался на этот раз из вентиляционного отверстия, аккуратно приподняв перед этим решетку.

– Сам понимаешь, запретить мы ничего не можем, – взобравшись на табуретку, сообщил мне он. – Ты ведьмак, тебе подъездные не указ. Да ты и сам это все прекрасно знаешь.

– Знаю, – кивнул я. – Но вас я давно не как соседей воспринимаю, а как друзей. Потому со всем почтением отношусь.

Было видно, что подъездному приятны эти слова, на что, собственно, и был расчет. По сути, он ведь прав – мне их разрешение не нужно, я волен делать то, что захочу. Но мне в этом доме еще жить, так что рубить с плеча – это очень плохая политика. И потом – их дружба дорогого стоит, подъездные большая сила в пределах охраняемой ими территории, и мне надо точно знать, что в случае чего они встанут за моей спиной.

Ну и наконец – мне на самом деле не хочется портить с ними отношения. Я к ним привык.

– Кузьмич поворчал, понятное дело. – Мой гость хрустнул сушкой. – Но раз надо – значит, надо. Мы тебе доверяем, Александр, потому что знаем, что зла в тебе нет, кто бы что ни говорил.

А кто и что им говорил, интересно? Такие фразы просто так не произносятся. Сейчас выяснять не стану, но заметочку в памяти надо поставить.

– Побудешь здесь, пока я с ней беседовать стану? – спросил я у него. – Или не желаешь ей на глаза показываться?

– Побуду, – согласился Вавила Силыч. – С марами лишний раз здороваться не люблю, сам знаешь, но для твоего спокойствия – почему бы и нет?

Полагаю, мое спокойствие тут не главное. Убедиться хочет, что эта сущность в доме не останется. Или еще в чем.

Но это его право. Собственно, для того я ему и предложил остаться, понимая, что он все равно попросит меня об этой услуге.

Для призыва у меня все было готово, травы я еще днем разложил по миниатюрным яноми. Это такие японские чашки без ручек. Они, как правило, вообще невелики по размеру, а эти и вовсе были крохотные, а потому очень удобные для хранения ранее отмерянных составляющих того или иного зелья. Я их на «Али-экспрессе» зимой увидел и сразу заказал, причем три комплекта. Про запас. И не ошибся. Две Родька уже расколотил, а одну я Вавиле Силычу подарил. Очень она ему понравилась.

Потрескивала спиртовая таблетка в горелке, переливался сине-зеленым оттенком пар над емкостью с бурлящим зельем, а я знай начитывал заклинание призыва, время от времени поглядывая в книгу, лежащую на столе, и в душе поругивая себя за кривоватый почерк.

Да-да, уже не чужие записи цитирую, а свои собственные. Одна за другой страницы книги заполняются. Как вернусь из Нави от Мораны, так сразу с дивана вскакиваю – и давай переносить на бумагу все, что успел услышать и запомнить. Нужно, не нужно – все записываю. В том числе сюда попало и это заклинание призыва, позволяющее вызвать мару во плоти.

Одно плохо – каждая написанная мной страница убирает лист из начала или середины книги, тем самым постоянно сокращая доступ к мудрости моих предшественников. Я, помню, в самом начале гадал – это как же так, столько народу в ней писало, а она не сильно и толстая? Пусть даже время от времени

одни листы сменяются другими. Вот и ответ – делая свои записи, ты волей-неволей расстанешься с чужими. А когда эта книга перейдет к следующему владельцу, то она снова будет в том виде, какой попала ко мне. Только уже и с моими текстовыми вставками.

Хотя, может, оно и правильно. Чужая мудрость – вещь нужная, но полагаться на нее во всем не стоит. Все время читая чужое, своего не напишешь.

Ну и потом – а память мне на что? Некоторые вещи надо наизусть знать, не рассчитывая на то, что останется возможность постоянно куда-то подглядывать.

И, наконец, – голову тоже надо включать. Лично я не поленился и часть новогодних праздников потратил на то, что напечатал большинство рецептов в «Ворде», а после сохранил их на флешке, которую убрал в сейф. Двадцать первый век на дворе, есть ведь и альтернативные источники хранения информации.

– Всё, – выдохнул я и поморщился от редкостно вонючего запаха, повалившего от площадки. – Сейчас, по идее, должна пожаловать. Вавила Силыч, форточку не откроешь? Ну до чего вонюча эта емулия! Бррр!

А без нее никак. Емулия желтая полезнейшая травка, хоть и называется неприглядно. Я на ее основе уже и зелье одно сварил, про запас. Нет-нет, не яд. Емулия – травка-миротворец. Если ее в сушеном виде под порог дома своего врага положить, то он перестанет против тебя коварные планы строить. Не любить не перестанет, но злоумышлять прекратит на какое-то время. А если ему пару капель отвара, что у меня в сейфе лежит, в чай добавить, то, возможно, он даже предложит тебе вместе пойти и выпить на брудершафт. Опять же – мера будет временной, но за пару часов, что зелье действует, можно решить какие-то вопросы добром. Или бумаги подписать. А то и дарственную, особенно если совместить зелье из емулии еще кое с чем из моих запасов.

И в нынешнем рецепте без нее никак. В данном сборе трав она как ключ – закрывает маре двери к моему сознанию. Мары большие мастера по части влезть в душу, теперь я это точно знаю. Ну да, со мной они вряд ли рискнут такое проверить, я под защитой их создательницы, но кто знает? Особенно если учесть тему, на которую мы общаться станем. Так что без емулии не обойтись.

Летом, на Ивана Купалу, надо будет ее запасы пополнить. Она ведь только на эту праздничную ночь в силу входит, в остальное время это просто трава, которую даже в чайный сбор не добавишь. А вот на Купалу – да, большую мощь набирает. Да и не она одна, в эту ночь мне столько всего собрать надо будет – ужас. Без помощи дяди Ермолая и его лесных троп точно не справиться. И Родьку с собой возьму, нечего ему тут бока отъедать, пусть по первой росе побегает, травы пособирает.

А еще непременно надо к летнему солнцестоянию на родительскую дачу наведаться, мандрагыр, обещанный тамошним Лесным Хозяином, выкопать. У меня запас почти весь вышел. Да там и был-то хрен да маленько, прямо скажем.

Я и нож деревянный припас, у одного родновера-мастера на заказ сделанный. Из дуба, золотистый, как солнце! Правда, цвет этот не природный, он таким стал после того, как я его в семи травах да семи водах проварил, по рецепту Митрофана, Евстигнеева сына. Мандрагыр только таким брать надо, деревянным. Если он сталь почует, то сразу в землю уйдет, и фиг его потом поймашь. В мандрагыре ума нет, а вот душа – есть, потому он для бесплодных и является первым средством. Так сказать – одушевляет их усилия, потому они и ведут к последующему результату.

Мне тогда Хозяин сказал, что корень у него вызрел знатный. Хорошо бы, если так. Очень он мне нужен.

За всеми этими мыслями я не сразу услышал тихие шаги в коридоре, в отличие от Вавилы Силыча, который мигом насторожился.

Кухонную дверь толкнули, она беззвучно отворилась, и к нашей компании присоединилась уже знакомая мне девчушка лет шести с невероятно серьезным лицом. Она подошла к столу, залезла на пустой табурет, свесила вниз ноги и уставилась на меня.

Надо заметить, что с последней встречи мара изменила свой образ. Тогда это была маленькая крестьянка с картины Васнецова, в лапотках и платочке, сейчас же передо мной сидела вполне себе обычная городская девчушка, то ли из старшей группы детсада, то ли даже первоклассница.

Черная короткая блестящая курточка с молниями, юбка, розовые колготки, модные полусапожки и забавная шапка с надписью «New York».

– Спиннер подарить? – вместо приветствия спросил я у гостя. – Просто тогда образ будет завершенным. Сейчас их все крутят.

Она молча протянула руку, в которую я положил обещанный предмет, взяв его с подоконника. Он у меня там года два лежал. Понятия не имею, откуда он взялся, наверное, Маринка забыла.

Мара крутанула лопасть спиннера раз, потом другой, послушала его жужжание, поднесла к уху, а после уверенно запихала в карман курточки.

– Надо соответствовать, – наконец одарила она нас своей первой фразой. – Все изменилось, старые маски никуда не годятся. Зачем звал?

– Надо кое-что выяснить. – Я оперся спиной на столешницу. – Сразу оговорюсь – мне не нужен конфликт. Я его не боюсь, но считаю, что худой мир лучше доброй войны.

Холодная улыбка уверенной в себе древней нечисти, появившаяся на детском личике, признаюсь, впечатляла.

– Ты нарушила наш договор, – продолжил я. – Ты убиваешь человека, который тебе не принадлежит.

Увы, но речь идет о Силуянове. Некоторое время назад я случайно узнал, что он снова загремел в психушку. Мол – опять у него начались ночные кошмары, чуть жену не придушил и орет, что у всех окружающих его людей черные глаза без зрачков. Само собой, к нему сразу вызвали крепких санитаров, а после с «мигалкой» отправили в больницу имени Петра Петровича Кащенко, где ему поставили диагноз «шизофрения», добавили к этому словосочетание «весеннее обострение», выписали таблетки и препроводили в помещение без зеркал и дверных ручек. А куда еще его такого девать?

Вот только меня не обманешь. Нет, умом он, может, и вправду начал трогаться, вот только весна тут ни при чем. Это симптомы другой болезни. В определенном

смысле – рукотворной.

И виной тому я. А значит, мне и исправлять свою ошибку.

– Я голодна, – возразила мне мара. – Ты обещал мне дать другого человека, но не дал. Теперь я беру то, что могу.

– Не обещал, – покачал головой я. – Сказано было, что ты будешь призвана, когда появится ясность в происходящем вокруг меня.

– Прошло достаточно времени, – заметила мара. – Ты настолько неповоротлив, что тратишь полгода на выяснение того, кто твой друг и кто твой враг? Тогда мне точно можно не считаться с твоим мнением. Я убью тебя быстрее, чем ты поймешь, что именно произошло.

– Ты – меня? – мне даже смешно стало. – Попробуй. Вот он я, перед тобой. Рискни, посмотрим, что получится.

– Засовы на твоей душе не провисят вечно, – резонно заметила мара. – Раньше или позже они падут.

– И ты все равно не посмеешь ко мне даже приблизиться, – процедил я. – Мне это известно, и тебе тоже. Я избран той, кому ты служишь. Ты готова пойти против ее воли?

– Ты слишком самоуверен, – резонно возразила гостя. – Сегодня милость нашей матери с тобой, но что будет завтра?

– А завтра я буду сильнее, чем сегодня. Ты мудра и опытна, ты же все видишь.

– Вижу, – призналась мара. – Наш мир все сильнее растворяет тебя в себе. Но ты все еще человек. Ты не готов убивать ради забавы или преследуя свою выгоду. Ты не желаешь без жалости отдавать чужие жизни тем, кому они нужны. Ты все еще живешь под Солнцем, а не под Луной. Потому я не боюсь тебя. Ты слаб.

– В чем-то ты права, – признал я. – Но не во всем. Да, я не готов убивать забавы ради, верно. Но тех, кто стоит на моем пути или не желает прислушаться к моим

просьбам...

Договаривать фразу я не стал, вместо этого достал серебряный нож и, поймав отблеск электрического света лезвием, повертел им в воздухе.

Хорошее средство против таких, как она. Подарок Ровнина на Новый Год, он мне его с Женькой передал. Так сказать – «два в одном». Тут тебе и практическая польза, и тонкий намек, мол: «не шали, ведьмак, а то такой же в сердце получишь». Я не дурак, все понял. И Мезенцева тоже, потому что передала этот подарок сильно не сразу, не под бой курантов, а только под утро, когда собиралась домой. Да еще и глаза в сторону отвела.

– Повторюсь – мне не очень хочется переходить к взаимным угрозам и тем самым портить отношения, – спокойно продолжил я, убирая оружие. – Такие беседы никуда не ведут. Попугали друг друга и разошлись – какой в этом смысл? Цели не достигнуты, договоренности нарушены, будущее, которое для нас обоих могло стать радужным, уже не случится.

С такими как она не имеет смысла придерживаться правил переговоров, принятых в человеческом обществе. В беседах с ними не надо врать или давать пустые обещания, это может выйти боком. Здесь каждое слово понимается буквально и за него придется давать ответ. Мара – не человек, и этим все сказано. Она видит ситуацию по-другому, потому что мыслит иными категориями. В том году я этого еще не осознавал, но, как и было сказано, я учусь, может, не очень быстро, но все же – учусь.

Не стоит ждать милости от волкодлака в полнолуние. У него нет жалости к тому, кого он выберет своей добычей, ему все равно, кто перед ним – мужчина, женщина, ребенок, старик. Есть только голод дикого зверя, и он первостепенен. Человек – добыча, а у нее не спрашивают согласия на съедение.

Не стоит надеяться на сострадание гуля, если попал в его когти. Ему плевать на слова и мольбы, он их даже не поймет. Для него людская речь подобна плеску речной волны – шумит что-то, да и все. Он вскрыет твое горло, а после затащит в темный теплый угол, чтобы ты немного подстух. Гули не едят свежатину, они любят мясо с запашком.

Дети Ночи – не люди. Не были они ими никогда, и в жизни не станут. А потому не стоит с ними разговаривать, уповая на понятия «элементарная логика» и «здравый смысл». Это верный путь к смерти, потому что в какой-то момент тебя просто могут убить, сочтя бесполезным и слабым. Здесь все решают совсем другие вещи. Ну и Покон, конечно же.

– Что я получу, если отпущу душу твоего бывшего врага? – бесстрастно спросила мара.

– Пока ничего, – так же холодно ответил я. – Но даю тебе слово ведьмака в том, что, если на моем пути появится человек, который будет мне мешать, ты получишь его целиком и без остатка. Сроки не назову, но такое раньше или позже случится.

Мара ткнула пальцем в сторону окна.

– Клянусь в том Луной, – верно истолковал я ее жест. – Теперь ты.

– Человек, который был отдан тобой на закланье, отныне не моя добыча, – покачала ножками мара. – Клянусь в том Луной и именем моей матери Мораны.

– Я тому свидетель, – буркнул Вавила Силыч. – Услышано и запомнено.

– Ведьмак, у меня еще послание. – Мара снова извлекла спиннер из кармана и крутанула его. – Моя мать опечалена тем, что ты не желаешь добра вам обоим. Ей нужна сила, тебе – тоже. Она просила подумать о том, что время летит быстро, и опасность подбирается к твоему дому все ближе и ближе. Твоя смерть будет означать для нее возвращение в мир Теней, а ей этого очень не хочется. И мне с моими сестрами – тоже. И даже дурам-Лихоманкам, которых ты поманил пальцем прошлой осенью, дав им надежду на то, что их не забыли.

– Буду рад снова увидеться с твоей матерью, – склонил голову я. – И лично сообщить ей то, что ее печали – мои печали. Она не желает меня видеть скоро как месяц, сам же я попасть в Навь не могу, и это ей прекрасно известно.

– Человеческая кровь – ключ от всех замков, – почти пропела мара. – И тебе это прекрасно известно. Открой дверь один раз, а после все станет гораздо проще.

Подъездный скрипнул табуретом, как видно, от эмоций. Не сомневаюсь, он знает, как двери в мир за Кромкой открываются. Их брат вообще много про что в курсе, только говорить мне они ничего не хотят. От греха, надо полагать.

– Сиди смирно, – велела ему нежить. – Ты кто? Видок. Вот и не мешай нам.

– Он гость, и он в моем доме, – немедленно осек ее я. – Как и ты. Помни про это, мара, и уважай законы хозяина этого места.

– Пусть будет так, – согласилась она. – Все, луна заходит, и мне пора. Слова сказаны и услышаны, клятвы даны и будут исполнены.

– Передай поклон Моране, – попросил я ее. – Скажи, что жду встречи.

Девочка кивнула, слезая с табурета, а после ушла в коридор, прикрыв за собой дверь. Вавила Силыч почти сразу последовал за ней, но там никого не было.

– Убралась, – выдохнул он, проведя лапой по лбу. – Уф, до чего страшная! Чего ты с ней из-за меня-то сцепился? Я не гордый, меня ее слова не трогают совершенно.

– Потому что нечего на моих друзей бочку катить, – проворчал я. – Может, еще чайку?

– Да нет, пойду, – подъездный прыгнул с табурета. – Своих успокою.

– А рассказать про то, что в Коньково случилось? – напомнил я ему. – Кстати – почти моя малая родина. Я сам из Теплого Стана родом.

– Да какой там, – отмахнулся подъездный и нырнул под плиту. – Не до рассказов.

Впрочем, секундой позже вывернулся оттуда ужом, и, глядя мне в глаза, произнес:

– Скверную ты клятву дал этой ночью, Александр. Скверную. Не мне тебя судить, но такой долг на себя брать было ни к чему, даже для чьего-то спасения.

– Знаю, – развел руками я. – Но по-другому бы не вышло. И потом – ты же не думаешь, что для меня дальше всё розами усеяно будет, с которых кто-то колючки ободрал? Жизнь чем дальше, тем веселее.

– Нельзя с этими змеюками ни о чем договариваться, – упорствовал Вавила Силыч. – И уж тем более с матерью ихней. Я ведь давно почуял, что ты дорожку к ней протоптал, но молчал, потому как не мое это дело. И дальше молчать буду, чтобы имя ее здесь, в доме нашем, не звучало. И тебя о том прошу.

– Обещаю, – приложил ладонь к сердцу я. – Да не переживай ты так. У меня тяги к темным делишкам и навьим забавам как не было, так и нет. Оно мне надо? Видишь же – свои собственные ошибки пытаюсь исправить, которые наворотил еще осенью.

– Главное – новых не наделай, – вроде как отошел подъездный. – Похужее.

Он ушел, а я сел за стол и отхлебнул остывшего чаю. Мне не давала покоя одна вещь, а именно то, что мара знала, чем недовольна ее госпожа.

Откуда?

Ответ один, и он очевиден – от нее самой. Значит, что? Они общаются. Вопрос только в том, как именно? В смысле – лично или мысленно, сквозь границу миров. Если второе – то ничего. А вот если первое, то это не очень хорошо. Это значит, что отдельные личности туда-сюда шастать начали, и ничего хорошего от этого факта ждать не стоит. Сегодня мара, завтра какой-нибудь упырь, а послезавтра кто? Ведьма или мой собрат-ведьмак? Кто знает, чем это кончится? Мало ли кто там еще очухался, в Нави? Опять же – кто обитает на том берегу Смородины? Кого боится Морана? Морана, которой вон подъездные до судорог опасаются, даже столько веков спустя после ее исчезновения.

Но – вряд ли. Если бы все было так просто, я бы об этом знал. Тот же Нифонтов прискакал бы и начал орать, что это моих рук дело. Информаторы отдела 15-К наверняка бы донесли подобные вести до ушей своих покровителей. В чем – в чем, а в этом мне за минувшую зиму убедиться довелось. Чего стоит только дело с сердоликовой камеей из коллекции Пьеро де Медичи, в котором мне довелось поучаствовать пару месяцев назад. Замечу – как всегда добровольно-принудительно.

Так вот – они бы знали, таскайся кто в Навь, как к себе домой. И я бы тоже. В этом вопросе мы с отделом солидарны, нам обоим ни к чему гости из прошлого под боком.

Ох, как же все непросто на белом свете. А мне сегодня еще в «Р-индастриз» ехать, вместо того чтобы в кабинете спокойно кемарить. Или даже дома, предварительно плюнув на службу и сказавшись хворым.

Одна радость – красивая женщина меня завтраком накормит, причем, подозреваю, вкусным. В моей жизни такого давненько не случилось. Большинство бывших подруг готовить вовсе не умели, а моя нынешняя пассия вовсе сматывается с первыми лучами солнца, никак это не комментируя.

Так что аж чуть ли не со времен супружеской жизни подобного не случилось. Точнее – с той ее поры, когда мы еще не начинали день с перебранки. Славное то было время, ради правды. Безмятежно-счастливое. Жалко, что кончилось быстро, как и все хорошее в этой жизни.

Предчувствия меня не обманули, завтрак был неплох. Я, кстати, даже не знал, что иные рестораны довольно высокого уровня открываются в такую рань. Мне казалось, что они часов до двух закрыты.

– Сыт? – заботливо спросила Ряжская, когда я отодвинул от себя последнюю тарелку и удовлетворенно выдохнул воздух. – Доволен?

– Поспать бы, – доверительно сообщил ей я. – Часиков восемь.

– Вот это нет, – опечалилась она. – Оно бы неплохо, разумеется, но – нет. Паша нас на девять утра записал, так что пора ехать.

– Это что же, вы с мужем по записи общаетесь? – опешил я. – Однако!

– Несмешно, Смолин, – немного обиделась Ольга Михайловна. – Ты просто не представляешь, в каком ритме жизни он живет. Бизнес есть бизнес, случается, что и мне приходится окно в его расписании искать. И потом – я же не одна буду, а с тобой. Так-то я вопрос и по телефону могла решить.

– Ну, – обрадовался я. – Так и решите. А я не обижусь, что ехать никуда не надо. Только до банка меня подбросьте, хорошо?

– Встал и пошел, – приказала Ряжская. – Философ!

«Р-индастриз» меня не очень впечатлил. Обычное высотное офисное здание – стекло да металл. И внутри все то же, что и везде – ресепшн, турникеты, лифты с музыкой, приемная с секретаршей. Я даже заскучал.

А вот в кабинете Ряжского мне стало чуть повеселее. Скорее всего потому, что там обнаружился не только он, но и еще пара человек, которых я совершенно не планировал увидеть.

Глава четвертая

Впрочем, и сам кабинет меня удивил. Я ждал массивный стол с совещательной огурцеобразной приставкой для подчиненных, дипломы с медалями в рамках на стенах, большой глобус-бар в углу, возможно, мини-дорожку для гольфа. И, само собой, портрет президента страны на самом видном месте.

Не-а. Небольшой такой кабинетик, ничего лишнего, никакого пафоса. Только с портретом угадал, да отчасти со столом. Но только отчасти. Нет, он был массивный, добротный, но не из нынешних новомодных мебельных коллекций. Это был стол-ветеран, из тех, что в кабинетах наркомов стояли в сталинские времена. Мне, кстати, такие всегда нравились. Основательная штука, на века сделанная.

Так вот – по соседству с этим столом, у стеночки примостилась сладкая парочка – Алеша да Геннадий. Почти два богатыря. Один отвечает за безопасность в «Р-индастриз», второй у нас в банке, и хорошего от них ждать точно не стоит. Профессия такая у этих добрых молодцев – проблемы создавать всем, кроме руководства. А в некоторых случаях – и ему тоже. Не самому главному, разумеется, а тому, что помелкотравчатей.

Господин Ряжский, услышав, что в кабинет кто-то вошел, на секунду оторвался от монитора, за которым сидел, окинул нас взглядом и махнул рукой – мол, присаживайтесь. Волей-неволей пришлось пристроиться третьим в компанию безопасников, поскольку сидячих мест тут было всего ничего. Ольга Михайловна же вовсе занимать стул не стала, она подошла к мужу, встала за спинкой его кресла и уставилась в монитор.

– Думаешь, мы возьмем этот госзаказ? – секундой позже спросила она у него. – Там входной порог сумасшедший. И гарантия потом еще, тут без залога не обойтись. Хотя – о чем я? Все никак не привыкну, что это теперь не вопрос.

– Торги непринципиальны, все потом отобьётся, – ответил ей Ряжский. – Основная интрига в том, какую цену назовут за сутки до них. Да и сам заказ не столь важен. Ты понимаешь, о чем я? Главное – войти в обойму, занять в ней свое место.

Он коротко глянул на меня, после перевел взгляд на жену. Ну да, понятно. Недоволен, что при мне лишнее брякнул.

– Я слушаю, – бросил Ряжский мне. – Излагайте.

Меня так и подмывало изречь что-нибудь коронное и предсказуемое, вроде: «Я бы сейчас вздремнул» или «Помню, была у меня одна рыжая, с зелеными глазами и вот такими буферами». Но для шуток есть соответствующие время, место и компания. Здесь ничего из вышеуказанного не наблюдалось.

– Что именно? – уточнил я.

– То, зачем вы пришли, – блеснул стеклышками очков Ряжский. – И ради чего вызвали сюда этих господ. Ольга, в чем дело?

– У Соломина есть на тебя компромат. – Ладони женщины опустились на плечи мужа. – Да-да, дорогой. И на тебя, и на Рябчинского, и на Нудельмана. И на тех, кто нам помогает – тоже. И даже на меня. Верно ведь, Саша?

– Верно, – подтвердил я. – Кроме, разве, Нудельмана. Насчет этого товарища ничего сказать не могу, его имя в списках не фигурировало.

Но, возможно, и он охвачен заботой пронырливого Соломина. Просто Жанна по дороге половину фамилий растеряла. Я ж говорю – память у нее девичья. Даже в посмертии.

– Чушь, – поморщился Ряжский. – Что у него может на меня быть? Откуда? Думаю, ты дуешь на воду. И потом – откуда у этого молодого человека вообще может появиться подобная информация? Он, вообще, кто? И зачем ты его привела сюда?

О как. Ну я на приветственные транспаранты и объятия не надеялся, но на чашку кофе по знакомству, пусть и шапочному, рассчитывал.

А он даже не знает, кто я?

Или я за последнее время чересчур забронзовел, и потому ожидаю, что все сильные мира сего меня знать должны? Мне и Женька недавно сказала, очень уж нос кое у кого вверх задрался. И потому с этим «кое-кем» общаться становится все сложнее.

Может, зря я тогда ей довольно резко ответил? Может, это не у нее характер сродни верблюжьей колючке, а меня на самом деле заносить начало?

Ряжская тем временем что-то нашептала мужу в ухо, тот усмехнулся, побарабанил пальцами по столешнице и поинтересовался у меня:

– Ну и что вы, господин экстрасенс, увидели в своем магическом шаре?

И вот в этот момент я осознал, что на самом деле заигрался, пожалуй, немного. И все мои мысли о собственной значимости не более чем пыль.

Я ведь предвидел такой вопрос, но только там, дома, фразы, что вертелись в голове, казались разумными и весомыми, а здесь мне стало ясно, что они и не те, и не другие.

А я буду выглядеть смешно и глупо.

Почему? Да просто если прозвучит то, что я изначально собирался поведать этому товарищу, то мне колдуна можно будет и не опасаться. Он просто опоздает к раздаче, мной распорядятся другие люди, далекие от мира Ночи, но зато отлично владеющие всеми видами огнестрельного и холодного оружия.

Причем винить в этом будет некого, только непомерно разбухшее чувство собственного величия, в народе именуемое ЧСВ. Я отчего-то решил, что смогу превратить Ряжского в своего союзника и использовать в случае необходимости его людские ресурсы в своих целях. С чего мне подобное в голову пришло? Кем бы я ни стал за последнее время, мы все равно с ним пока в разных весовых категориях. В результате всегда решает опыт и знание жизни, в котором до него мне еще далеко.

Промолчать тоже нельзя. Нет, можно попробовать наплести невесть чего, только вот не поверит в это никто. Ни Ряжская, ни Геннадий. Они за минувшие полгода много чего видели, и кое-что поняли.

И соврать не вариант. Если Ряжский поверит, что в сейфе Соломина ничего на него нет, а потом бумаги всплывут, что вполне вероятно, то спрос опять же с меня будет. Крайний нужен всегда, и в данном случае я идеально подхожу на эту роль.

Короче – сам себя поймал. Сам капкан поставил, ногу в него сунул и теперь пытаюсь выбраться. Вывод – не играй на чужом поле, заранее не убедившись в том, что это тебе под силу.

– Что молчим? – поторопил меня Алеша. – Был задан вопрос.

– Саша, не переживай, – мягко произнесла Ряжская. – И не обращай внимания на тон Павла Николаевича. Он скептик и подвергает сомнению любые явления, которые не укладываются в его картину мироздания. И еще – здесь нет тех, кто желает тебе зла.

– Итак? – в голосе Ряжского прозвучали нотки недовольства.

– Разное там есть. – Я перебирал в голове все, что мне выложила накануне вечером Жанна, тщательно просмотревшая в сейфе бумаги, относившиеся к семейству Ряжских. Надо понять, о чем точно говорить не стоит. – Например,

документы на строительство нескольких школ в одной далекой горной республике, ещё тем веком датированные. Акты, сметы, накладные с вашей подписью, в том числе, и о сдаче объекта. К ним еще фотографии прикреплены с пустырем и несколько допросных листов с отметками Следственного комитета, из которых следует, что там никто ничего никогда не строил.

Наверное, не тот пример я выбрал. Куда делся интеллигентный бизнесмен? За столом сидел волк, готовый прыгнуть. Какой волк? Тигр!

Все ж таки быстро я забыл Самое Главное Правило клерка – молчи обо всем, что может накликать на тебя беду. То есть – обо всем, что не касается еды, выпивки и баб.

– Дальше? – требовательно спросил у меня Ряжский. – Я жду.

– Да, собственно, это самое веское из того, что есть, – с улыбкой произнес я. – Остальное так, мелочи.

– Врешь, – безынтонционно сообщил мне Алеша. – Говори.

– Еще имеются бумаги о передачах долей компаний, занимающихся нефтянкой. – неохотно пробурчал я. – Документы о пропаже гражданина Селиверстова. По-моему – Селиверстова. Это точно все. Остальное на жестком диске. Я не вирус, внутрь залезть не могу.

– Лихо. – Ряжский откинулся на спинку кресла, сплел пальцы рук в «замок» и хмуро глянул на меня. – Ольга, как его бишь?

– Александр, – подсказала ему супруга. – Александр Смолин.

– Александр, примите мои извинения, – весело потер руки хозяин кабинета, немало меня тем удивив. – Думал, вы шаромыжник. Вижу – ошибался. Когда вы мне доставите эти документы? И все остальное, что есть в сейфе, это важно. Насколько я понимаю, для вас это не очень большая проблема?

– Никогда, – снова невесело посмеялся я про себя, припомнив недавние наполеоновские планы по использованию Ряжского в личных целях. Как в том

анекдоте ситуация: «Я медведя поймал». Но – шутки шутками, а за подобную работу я не возьмусь точно. – Извините, взлом и проникновение не по моей части. Как, собственно, и добывание подобной информации в принципе. Просто я Ольге Михайловне отказать в выполнении ее просьбы не мог.

Ряжский коротко глянул на Алешу, тот мотнул подбородком, словно говоря: «нет». А, понятно. Хорошо, что я в марте, накануне праздников, в одной довольно-таки пикантной ситуации все-таки устоял перед чарами моей нанимательницы, хоть обстановка и шептала: «плюнь и возьми». Но – не стал. И правильно сделал. Рубль за сто – этот Алеша без всяких потусторонних соглядатаев все бы про то грехопадение узнал.

– Сказали «а», говорите и «б», – назидательно произнес Ряжский. – Если уж просьбу моей жены выполнили, то и мою тоже уважьте.

– Нет, – покачал головой я и ощутил, что сотрудники службы безопасности пододвинулись ко мне поближе. Кстати, я даже как-то и не заметил, что теперь сижу между ними. Ловки, шельмы. – Это не мой профиль.

– Смолин, Смолин, – как бы вспоминая, проговорил хозяин кабинета. – Это не вам Вагнеры бюстик во дворе банка установили?

– Ему, – подтвердил Геннадий.

– Если вы сейчас скажете, что он неплохо будет смотреться на моей могиле, я опечалюсь, – сообщил Ряжскому я. – Очень банальности не люблю.

– Даже не собирался. – Павел Николаевич рассмеялся. – За кого вы меня принимаете? За мафиози? Ну да, бизнес штука жестокая, особенно российский, но вас никто машиной сбивать не собирается и растворять в кислоте не планирует. Даже с учетом того, что вы видели и знаете то, чего не следует. Вы разумный человек, я в этом не сомневаюсь, а потому наверняка станете молчать. Тем более что ваше слово против моего ничегошеньки не стоит. Но я не понимаю, почему вы не хотите нам... Мне. Почему вы не хотите мне помочь? Повторюсь – я сначала вам не поверил. Да мне и теперь не очень понятно, как вы вообще узнали о существовании этого сейфа и о его содержимом. Ольга мне говорила про какие-то ваши необычные способности, но я, уж извините, в мистику не верю. Я материалист. Но это не мешает мне еще раз предложить вам

оказать услугу компании, тем более что это входит в ваши обязанности. Вы же служите у нас? Так будьте любезны, выполняйте поручение вышестоящего руководства.

– Мне очень жаль, но в должностной инструкции нет пункта, вменяющего мне в обязанность совершение кражи со взломом, – вздохнул я. – Потому вынужден отказаться.

Кстати – я в самом деле ничем бы ему помочь и не смог. Жанна бесплотна, а я не «медвежатник». В принципе, возможно, Родька что-то подобное мог сотворить, есть у меня подозрение, что подобные штуки ему по плечу, но – нафиг. Это не моя война.

– Александр, оттайте уже, – вроде бы иронично посоветовал мне Ряжский, но только мне снова на мгновение показалось, что за столом сидит огромный и смертельно опасный хищный зверь. – Я знаю, о чем вы сейчас думаете. Вы прикидываете, каковы шансы на то, что уйдете отсюда домой на своих ногах.

Ошибочка. Отсюда я так и так уйду сам, без посторонней помощи. Булавку, пропитанную зельем, я в пальцах зажал еще до того, как в кабинет вошел. Алеша и Геннадий не те увальни, что меня зимой схомутали, но и ситуация немного другая. Эти двое сидят совсем рядом, один слева, другой справа. Два быстрых укола – и все. Затем останется только пустить в ход травяной сбор, который сделает Ряжских добрыми и покладистыми минут на двадцать, и быстро покинуть здание. А там что-нибудь придумается. Свалю в Лозовку, хрен меня там кто найдет. Дядя Ермолай к моему дому все дороги закроет, ни одна мышь не проскользнет. Или, как минимум, предупредит о незваных гостях, а в лесу меня поди поймай.

Но только это будет не жизнь. Я – и в бегах? Оно мне надо? И потом – месяц поскрываюсь, другой – а потом что? За Уральский хребет уходить? Или на Дон, к казакам, туда, где воля?

Чушь какая. Может, веке в девятнадцатом подобное и было нормой, недаром же моих предшественников по Российской Империи носило от моря до моря, но то тогда. А сейчас другое время, другие стандарты. Планета съежилась до размера теннисного мячика, далеко не убежишь. Родители, опять же...

А может, Ряжского марам отдать? Заодно и по долгам рассчитаюсь. Грех, конечно, так думать, но ведь вариант?

Хотя нет. Тогда и супругу его придется за ним следом отправлять, и этих двоих из ларца, что меня с боков подпирают. Я таких, как они, знаю, для них не зарплата главное, а вопросы личного самоуважения. Самураи хреновы.

Да и других последствий не оберешься. Тот же 15-К пронюхать может что к чему. Непременно ведь припрется ко мне Нифонтов и начнет в душу лезть, выясняя не моих ли это рук дело. И это в лучшем случае. А в худшем... Даже думать не желаю.

Ну и самое главное – не мой это путь. Не хочу я убивать, хоть все, кто только может, меня к этому подталкивают. Но я не хочу! Не то у меня воспитание. И моральные принципы не позволяют.

Пока, по крайней мере. Пока меня совсем в угол не загнали.

Геннадий толкнул меня локтем в бок – мол, отвечай давай, не молчи.

– Нет, – подал я голос. – Все равно – нет. Не потому, что не хочу, а потому, что не обучен. Если желаете – могу продиктовать код сейфа, он у меня есть. Правда, там пара цифр и букв в самом конце могут быть перепутаны местами, так что не обессудьте.

– Даже так? – приятно удивился Ряжский. – Не откажемся. Алеша, потом запиши комбинацию, пусть будет.

– Славный мальчик, да? – похлопала мужа по плечу Ольга Михайловна. – А ты меня слушать не хотел.

– Славный, – согласился с ней супруг. – Но упрямый, вздорный и не желающий признавать прописные истины. Это перечеркивает все его достоинства, так что говорить с ним более не о чем. Всего доброго, Александр, вам пора ехать в банк. Вы же не забыли, что рабочий день в разгаре, а вы все еще мой сотрудник? Гена, проводи молодого человека на выход.

Я встал с кресла, ощутив, что рубашка на спине изрядно промокла. Однако – нервы. Нет, неправа Женька, не стал я еще не пойми кем. Человек я. Не пойми кто так не потеет.

И чего это я вздорный? Упрямый – ладно, есть немного. Но вздорный? Сам он... Не скажу кто.

Эх, уцепить бы его волосок в свою коллекцию! На всякий случай, чтобы был. Только – фиг, Геннадий не даст. Он хоть и не верит во всякое мракобесие, но глаз с меня не сводит.

Правда, под конец, у выхода из здания, он меня удивил, поскольку снизошел до общения, что с ним случается не всякий раз.

– Дурак ты, – сообщил он мне. – И уши у тебя холодные.

– Согласен, – вздохнул я. – Не без того.

Правда, полагаю, каждый из нас имел в виду свое. Но вывод сделан был тождественный.

Дурак не дурак, но никаких репрессий или ущемлений моих прав после этого визита не последовало. Впрочем, как и усиления внимания к моей персоне со стороны службы безопасности. Я, по крайней мере, ничего такого не заметил, хоть и пытался отыскать какие-то отголоски произошедшего в том, что вокруг меня происходило. Ну не верил я в благополучное завершение моей наиглупейшей выходки. Впустую – все шло обычно и рутинно. Разве что весна вступала в этом году в свои права на редкость стремительно, радуя горожан невиданным в середине апреля теплом. Но связать сие с моими деяниями было совершенно невозможно.

Вот и в тот вечер, когда события к тому времени уже недельной давности наконец-то мне аукнулись, на улице стояла погода, которую весенней назвать было сложно. Скорее – летней. Асфальт отдавал накопленное за день тепло, воздух был упоителен. Только в это время года город не пахнет городом, потому что бурные ручьи частично смыли грязь зимы, а недавно пробившаяся листва, еще не припорошенная пылью, берет свое, забивая ароматы выхлопных газов и вытяжек многочисленных ресторанов.

– Пора, – вслух сказал я, озирая свежую зелень на деревьях. – Теперь точно пора!

В смысле – на кладбище. Не рискнул я нарушить пожелание Хозяина, хоть соблазн был велик. Не просто же так он мне велел нос не казать до первой листвы? Но теперь точно можно. Вот прямо завтра и рвану к нему, благо рабочая неделя кончилась. Нынче выплюсь как следует, с утра в магазин схожу, а уж ближе к ночи...

Додумать эту мысль я не успел, мне помешали.

– Привет, – встал с лавочки, стоящей у моего подъезда, крепко сложенный светловолосый мужчина средних лет, одетый в короткую кожаную куртку и голубые джинсы. – На пару слов можно?

Я немедленно засунул руку в карман пиджака и зацепил пальцами горсть все того же ослепляющего порошка. Штука надежная, проверенная.

Все-таки прав я оказался, не бывает дыма без огня.

– Ну-ну-ну, – успокаивающе выставил перед собой ладони мужчина. – Приятель, успокойся. Просто поговорить – и все. Повоевать, если что, мы с тобой всегда успеем, верно? Только особого смысла в этом нет. Нашу проблему, ту, что у нас с тобой одна на двоих, можно решить мирным путем.

– Не припоминаю, чтобы я где-то переходил тебе дорогу, – осторожно произнес я, не спеша вынимать руку из кармана. – Если напомним – буду признателен.

– Как же? – мужчина снова опустился на скамейку. – А кто покойницу в дом уважаемого человека настропалил, чтобы та там все разнюхала? Не ты ли? И после эта информация ушла к кому-то очень серьезному, потому что квартиру ту пару дней назад «выставили», да так умело, что закачаешься! И ничего не взяли, кроме содержимого сейфа, от которого просто смердит мертвечиной.

Не стану врать – я опешил. Всякого ждал, но этого точно нет.

– Слушай, можно я тебя сфоткаю? – весело спросил мужчина. – Роба у тебя сейчас... А еще мозги скрипят так, что вот-вот всех бабок в округе перебудят. Да

что бабок – подъездных испугают.

– И есть отчего, – повертел головой я. – Знаю, что произношу банальность нереальную, но все-таки – ты кто?

– Иногда мне жалко, что нашему брату не дали способность чужать друг друга, – раскинул руки по спинке скамейки мужчина. – Как в сериале «Горец». Ну помнишь, один бессмертный к другому приближается на расстояние выстрела, и у них в ушах шуметь начинает. Вот и нам бы такое. Ладно, выдохни. Я не из братвы. Мы с тобой одной крови, Александр Смолин, вот какая штука. Меня зовут Олег, и я ведьмак.

– Представился прямо как в клубе анонимных алкоголиков, – не удержался я. – А так круто, чо!

– Я тоже так думаю, – он протянул мне руку. – Будем знакомы?

– Будем, – решил не кочевряжиться я и ответил на рукопожатие. – И сразу вопрос...

– Как я тебя нашел? – перебил меня Олег. – Очень просто. Что агентесса твоя к моему клиенту в гости заходила, я сразу срисовал. Видеть бродячие души я не вижу, но чую их как барбоска. И тогда же понял, что это дело рук ведьмака, больше с этой публикой таким образом никто работать не сможет. Нет, есть колдуны, которые могут на время неупокоенных себе на службу поставить, только на подобные мелочи они размениваться не станут. Больно дорогое это удовольствие. А непосредственно мертвым подобные забавы вообще ни к чему. Они либо на весь мир злы, либо на судьбу жалуются, либо незавершенные дела пытаются закончить, других забот у них нет. Все остальное – дело техники. У меня есть связи, они обширны, я их задействовал и в результате тебя вычислил.

– В самом деле – просто, – вздохнул я. – Наниматель сильно на меня зол?

– Соломин? – рассмеялся Олег. – Нет. Да он про тебя и не в курсе. Делать мне нечего, как только ему все рассказывать. Велика честь. А вот на твоего патрона – да! Рвет и мечет, сейф-то вычистили почти подчистую. Собственно, за компроматом на коллег по бизнес-цеху и приходили, больше ничего из дома не пропало.

– Да ладно? – снова изумился я.

– Прохладно! – Ведьмак хохотнул, показав белые зубы. – В сейфе осталось только одно досье, и на нем значится фамилия «Ряжский». Дескать – ну-ну, давай-давай, попробуй, пусти эти документы в ход. А все остальные как растворились, и это моего нанимателя особенно бесит. Ох, как все смешалось в доме Соломиных, видел бы ты!

– Ни малейшего желания, – отказался я. – И так пожалел уже, что в эту чехарду ввязался.

– Вот тут мы подходим к главной теме нашего разговора, – посерьезнел Олег. – Что дальше делать будем? Как жить?

– Может, пойдем накатим по рюмке-другой? – предложил я. – За знакомство? Да и сквозит здесь. Днем тепло, а к вечеру прохладно становится.

– Конструктивно, – подумав, согласился Олег. – За рюмкой и обсудим сложившуюся ситуацию. У вас тут есть пристойное место, где два достойных джентльмена могут посидеть и пообщаться, не боясь желудочных отравлений?

– А как же? – поправил ремень сумки я. – Чудное кафе, открыли осенью, потому оно еще не успело промутировать. Следуй за мной.

Спиртное меня не прельщало, но время для осмысления ситуации нужно было позарез. Просто она была совсем уж нетипичная.

Я знал, что другие ведьмаки есть, причем они в том числе обитают и в моем родном городе, но при этом их существование всерьез мной как-то не рассматривалось. В смысле – ну есть и есть, чего теперь? Они где-то там, я тут, – все нормально. И «ведьмачий круг», представляющий собой, как видно, некое профессиональное объединение мне подобных, тоже не являлся темой для размышлений.

Ну вот какой мне это все? И так жизнь бесперебойно меня бьет разводным ключом по голове.

Но в моем случае клизма сама ищет пациента, потому рядом бодро топает светловолосый мужчина, который то и дело хитро поглядывает в мою сторону. Небось понимает, в каком направлении текут мои мысли, да посмеивается про себя.

Правда, мелькнула у меня на миг мыслишка, что, может, это никакой вовсе и не собрат по классовой принадлежности? Может, это мой закадычный враг из эмиграции пожаловал и шустро начал плести вокруг меня интригу? Нифонтов за зиму раз десять мне повторил, что простых шагов от наследника Кашея ждать не стоит. Ему так неинтересно, он у нас эстет-с. Он сначала своего врага в интриги, как паук в паутину, замотает, а потом потихоньку его харчить начнет.

Только вот вряд ли он стал бы настолько просто партию разыгрывать. Лицом к лицу, напрямую, тривиально? Нет, не тот это персонаж. Он любит появиться в последний момент, как «Deus ex machina», и по полной насладиться делом рук своих. Как это прошлой осенью случилось, когда торопыги из спецслужб его прихватить в доме пытались. Я помню торжествующие нотки превосходства в его голосе.

Но при этом он не псих. Ни разу не псих. И именно это дает мне надежду на то, что я еще покувыркаюсь на манеже. Поступки психопата просчитать и предугадать невозможно, он непредсказуем. А вот действия пусть безжалостного и злобного, но все же рационального человека кое-как спрогнозировать реально.

Так что это на самом деле мой собрат, с которым, правда, совершенно непонятно что делать. Точнее – что от него ждать. Так-то вроде дружелюбен, но это ни разу не показатель. Сейчас дружелюбен, потом по горлу ножом шваркнет. Как-никак я его босса «обул», а это, знаете ли, повод для разборок.

Блин, не понос, так золотуха.

– По первой! – предложил Олег, шустро наполнив рюмки коньяком. К моему удивлению, он предпочел его водке. – Здрав буди, брат-ведьмак!

– Твое здоровье, – согласился я, звякнув своей рюмкой об его.

– Не-не-не, – недовольно нахмурился мой сотрапезник. – Традиции надо соблюдать. Хотя – откуда их тебе знать-то? Но ты все равно не отлынивай!

– Понял-понял, – не стал спорить я. – Здрав будь, брат-ведьмак.

– Другое дело, – одобрил Олег и очень аппетитно выпил, а после начал терзать горячую котлету «по-киевски», из которой немедленно брызнуло на тарелку прямо пахнущее масло. – Закусывай. Сначала еда, потом беседа. Я с утра не жрамши, так что пойми правильно.

Самое забавное – мне этот человек пришелся по душе. Ощущалось в нем что-то настоящее. Точнее – он был настоящий. Ему, похоже, не было нужды изображать из себя то, чем он не являлся.

Мне бы так. Но пока не получается. Начав ощущать внутреннюю свободу, я пока никак не мог выразить ее внешне. Слишком сросся со своей предыдущей шкуркой.

Умом понимаю – надо бросать все, рвать связи и знакомства, возможно, даже менять квартиру и (о, ужас) номер телефона. Вот тогда исчезнет нужда делать то, что надо, а не то, что хочется.

Звучит просто. Превратить слова в дело сложнее. Жалко. Все ж таки не чужая была жизнь, своя. Привык, прикипел. Хоть и ругаюсь постоянно на ту же Маринку, но без нее станет очень грустно жить. А Наташка с Ленкой? А Вавила Силыч?

– У тебя сейчас кровь носом пойдет, – заметил Олег, обсасывая косточку, оставшуюся после котлеты. – Думаешь очень напряженно. Приятель, я не собираюсь устраивать драму из-за того, что два жирных налима что-то не поделили в одной яме. Плевать на них. Они умрут гораздо раньше нас, так что эти двое только пылинки, танцующие в солнечном луче. Вот они есть, вот их нет, для нас с тобой ничего не изменится. Неужели ты полагаешь, что их мелкие делишки станут причиной нашего поединка?

– Просто ты сказал, что нам надо как-то решить этот вопрос, – заметил я. – А что я еще мог подумать?

– Странное вы поколение. – Олег разлил коньяк по рюмкам. – Что бы ни случилось, кто бы что ни сказал – все в одну сторону смотрите, денежно-материальную. А я совсем другое имел в виду. Что именно, объясню после того, как выпьем. Здрав буди, брат-ведьмак!

Мы опустошили рюмки.

– Можно подумать, ты намного старше, – вдруг почему-то стало обидно мне. – Сколько у нас с тобой разницы? Лет семь. Ну – десять. Не больше ведь. А сразу – «поколение»!

– Моя доля – вода, – объяснил мне Олег, усмехнувшись. – Так что ты на лицо не смотри, оно таким до самого конца пути останется.

– Сейчас немного непонятно, – признался я. – Нет, что ты по водной части промышляешь, это ясно. Но при чем тут вечная молодость?

– Налей коньяк в свою рюмку, – попросил меня новый знакомый. – Давай. Нет, мне не надо, только себе.

Он дождался, пока его просьба не будет выполнена, глянул по сторонам, чтобы убедиться в том, что до нас никому дела нет, а после его губы шевельнулись, вот только ни слова из того, что он произнес, я не разобрал.

Зато увидел, как спиртное в моей рюмке закрутилось маленьким смерчем, причем ни капли на стол не попало. Этот вихорек выскочил на стол, лихо обогнул солонку и перечницу, перепрыгнул блюдо с холодными закусками, добрался до Олега и запрыгнул в его открытый рот.

– Вот так, – подмигнул мне мой собутыльник. – Здрав буди, брат-ведьмак!

– Ваше здоровье! – впечатленный увиденным, пробормотал я. – Лихо!

– Вода – моя доля, – повторил Олег. – Я служу ей, а она меня вознаграждает за эту службу. Слышал про живую и мертвую воду? Ну хоть в детстве, в сказках? Так вот там не все вранье, Сашка.

– Что сказки не ложь, я давно сообразил. Слушай, а это сколько же тебе лет?

– Давай-ка по порядку, – предложил Олег. – Сначала разберемся с насущными вопросами.

Глава пятая

– Согласен, – тряхнул я графинчик, где коньяку осталось чуть-чуть, на донышке. – Надо еще заказать.

– Слушай, подобную дурку оставь для них, – мотнул подбородком Олег в сторону компании, веселящейся за соседним столом. – Люди любят видеть и слышать то, что им удобно. Но мы – не они. Это факт, который, как известно из классики, самая упрямая на свете вещь. Надеюсь, ты сам это уже понял? Или ты все еще вспоминаешь при полной луне свою романтическую юность и пытаешься убедить себя, что лучше той поры на свете с тобой ничего не случилось, а происходящее сейчас – дурной сон?

– Уже не пытаюсь, – поставил графин на стол я. – Кое в чем разобрался.

– Молодец, – похвалил меня ведьмак. – Тогда ответь мне на следующий вопрос – что же, милый друг, ты тогда полез на чужую территорию? Или знака моего на двери Соломина не увидел?

– Не увидел, – даже не пришлось разыгрывать изумление мне. – Да я к этой двери даже и не приближался. И о том, что какие-то знаки существуют, знать не знал. Как он хоть выглядит? Ты покажи, я на будущее запомню.

– Не врешь, – с удовольствием отметил Олег. – Будем считать, что вопрос исчерпан. У нас тут уголовного кодекса нет, потому незнание законов в ряде случаев освобождает виновного от ответственности.

– А Соломин? – резонно спросил я. – Он тебе на мозг не присядет?

– Да пошел он в жопу, – равнодушно сообщил мне собеседник. – Мне на его недовольство плюнуть и растереть. И тебе рекомендую в общении с нанимателями придерживаться той же точки зрения, а то на шею сядут и ножки свесят.

– Ты извини, – я разлил остатки коньяка по рюмкам. – Просто никак в ум не возьму. Ты у Соломина работаешь или как?

– И да, и нет. – Олег пощелкал пальцами, подзывая официантку. – Я, Сашка, частный детектив. Очень удобная форма существования. И вроде как при деле, и никому ничего не должен. Меня время от времени нанимают для того, чтобы разобраться в делах, которые не очень укладываются в материалистическую теорию, тех, о которых шепчут на ушко, что «там дело нечисто». За годы клиентская база сложилась, репутация появилась. Соломин – наниматель, с которым я работаю часто, потому у его двери я поставил свой знак. Мол – не лезем сюда, этот человек мне нужен.

– И под твоей охраной, – добавил я.

– Эй, эй, эй! – помахал у моего носа указательным пальцем левой руки Олег. – Я же сказал – он мне нужен, не более того. Какой такой охраной? Да пусть его хоть грохнут, я даже не почешусь. В первую очередь потому, что он не почешется, если грохнут меня. Соломин платит за определенные разовые услуги, при условии, что я соглашусь их ему оказать. На этом все. Этот человек разгонятель моей скуки, не более.

– Скуки? – совсем запутался я.

– Ну да. – Олег ткнул вилкой в кусок колбасы, лежащий на тарелке. – Она наш основной враг, не считая, разумеется, ведьм и волкодлаков. Но скука – приоритетней. Ты просто совсем еще зеленый и этого не понял. Для тебя все в новинку, все жутковато и интересно. А мне давно скучно стало, потому и подался в частные детективы.

– То есть не из-за денег?

– Деньги, – рассмеялся Олег. – Дружище Александр, ты вообще меня слушал? Я служу воде. У меня потенциально денег как у дурака махорки. Все, что скрыто

под речной, озерной и прочей пресной водой – мое. Ты представляешь, сколько только по Московской области в реках всякого драгоценного барахла под песком и в иле лежит? Грузовики набивать можно. И, заметь – ни одного проклятия на нем нет. Это в лесах остались в основном закладные клады, все обычные давно людям в руки отдались. А в реках что? Просто золото-серебро без владельцев. Оно тонуло, его выбрасывали, чтобы чужим не досталось, его смывало наводнениями. Вариантов масса. Опять же – текучая вода, откуда там проклятию оказаться? Просто нагнись и возьми. Если сможешь.

– Так понимаю, что сможет не всякий? – уточнил я.

– Верно понимаешь. – Олег подмигнул официантке, доставившей нам новый графинчик. – Я смогу. Ты – вряд ли. Да мне и мочь не надо. Когда денежка нужна, к первой попавшейся реке иду, да прошу русалок мне приволочь то, что поближе лежит. И все. А дальше все просто – продаю это знающим людям. У меня связи с ними остались еще с тех пор, как я милиционером был.

– Полицейским, – на автомате поправил его я.

– Милиционером, – строго произнес Олег. – Я не оговорился. Сказано ведь тебе – мои годы с твоими не сравнить. Хотя кое в чем мы похожи. У меня, как и у тебя, наставника не было. Самородки мы с тобой, Сашка, как Михайла Василич Ломоносов. Правда, в нашем случае без обоза с мороженой рыбой обошлось.

– А про наставника откуда знаешь?

– Заканчивай такие глупости спрашивать, – попросил меня собеседник. – Хорошо? Логическая цепочка совсем примитивная. То, что ты новорождённый, сомнений не вызывает, поскольку тебя никто не опекает, и элементарных вещей не знаешь. Вывод? Никто тебя не учит, стало быть, дар к тебе попал так же, как и ко мне – дурняком. По принципу «на кого бог пошлет». Ну или кто там за нами приглядывает? Меня вот так же в семидесятых один хрыч старый благодетельствовал, когда я его допрашивал как свидетеля. Он у меня прямо в кабинете помереть задумал. Там такой возраст был, столько даже наш брат не живет, он, как я после разобрался, еще матушку Екатерину застал в стадии дееспособности. Но в конце концов помер, только перед этим за руку меня цапнул. И все, я ведьмаком стал.

– Та же фигня, – вздохнул я. – Даже не поинтересовался никто – «за» я, «против»...

– Нет худа без добра, – утешил меня Олег. – Те, у которых наставники имеются, живут еще хренее, чем мы. Во-первых, традиции таковы, что ученик – он не только ученик. Он еще повар, уборщик и прислуга. Во-вторых, наставник сам будет решать, по какой стезе тебе идти. Твое мнение не учитывается. И если выйдет ошибка, то это проблемы ученика, а не наставника. Потому что нового наследника можно начать искать в любой момент. Опять. Снова. Вот тебе такое надо?

– Мне нет.

– И мне нет. – Олег разлил коньяк по рюмкам. – Ну да, поначалу трудно, особенно когда приходит время для всех умереть. Но потом становится интереснее. Здрав будь, брат-ведьмак!

– В смысле – «для всех умереть»? – заев спиртное лимончиком, уточнил я. – Это какой-то ритуал? Или обряд?

– Это жизнь. – Олег достал из кармана пачку сигарет и снова убрал ее обратно. – Ну что ты насупился, Сашка? Все просто. Раньше или позже ты поймешь, что все старые связи надо рвать, без вариантов. Они тебя тянуть назад будут. А туда дороги больше нет, там шлагбаум с висячим замком. Так что или вперед, или на месте стой, жди чуда. Чудес же не бывает, можешь мне поверить. Слушай, ты не куришь? Нет? Ну я тогда сбегая, подымлю быстренько, лады? А то уже уши опухли без курева.

Я даже обрадовался, что мой неожиданный новый знакомец отправился на воздух. Очень много новой информации сразу свалилось. Мало того – он только что буквально процитировал мои совсем недавние мысли. Выходит, все через это проходят. И, похоже, мне тоже придется.

Очень верное определение: «для всех умереть». Так ведь оно, по сути, и есть. Был такой Александр Смолин, немного неуклюжий и недалекий паренек, из тех, о которых говорят «ни рыба, ни мясо», да весь вышел.

А вот кто на свет родился вместо него, мне и самому пока невдомек. Но что кто-то другой – это точно.

И еще. Возможно, за последние месяцы я стал слишком мнительным, но очень уж этот Олег дружелюбен. Может, в наших ведьмачьих кругах так и принято, может, тот единственный случай, когда я столкнулся с себе подобным исключением, но...

Мне уже изрядно вдолбили в голову, что верить в мире Ночи никому не следует. Так что – поменьше говорить, побольше слушать. Тем паче, что вопросов у меня за пазухой на три авоськи и пять сумок имеется.

И один из них мне уже полгода покоя не дает.

– Слушай, а ты, выходит, с русалками в дружбе? – вкрадчиво спросил я у Олега, когда тот вернулся.

– Ага, – подтвердил тот. – Я вообще им очень благодарен. Кабы не русалки, то не беседовать бы нам сейчас. Не знаю, как ты, а я сильно не сразу разобрался в своем предназначении. Меня сила уже на куски рвала, мысли дыбом на пару с волосами стояли, думал, что все, «кранты шесть» мальчику Олегу настали. И вот тут мне повезло, очень удачно свалился с моста в реку. Причем – ночью. Мы тогда одно дело расследовали, с цеховиками связанное, вот они меня и определили в Язу. А там – русалки. Вокруг меня шныряют, тараторят, за ноги вниз тянут, на дно. И так чего-то мне их жалко стало, что сил нет. Они меня убивают, а я их жалею.

– Тут тебя и накрыло, – догадался я.

– Ну да. – Олег почесал нос. – С тех пор вода – мой дом родной, а русалки и водяники – лучшие друзья. По этой причине я, к слову, стараюсь в лес не соваться. Лешие с водяниками с давних времен друг друга недолюбливают, хотя и делают вид, что вражды меж ними нет. Но то они, а то мы, близ них обитающие. В общем, любому Лесному Хозяину меня по тропинкам закрутить да в самую чащу завести на погибель – милое дело. Старые Хозяева сразу суть видят, нутро, им на лицо глядеть надобности нет. Любой лешак сразу понимает, что я воде служу, а потому с радостью на мне оттянется. Не поверишь – один раз в Сокольниках меня чуть не угробили. В парке! Вроде бы – три дерева, два куста,

а я часа четыре в них крутился как белка в колесе. Кабы не какая-то парочка, которой я на хвост упал, так бы там и остался.

– А навигатор? – удивился я. – Включи и топай.

– Середина девяностых на дворе стояла, – с жалостью глянул на меня Олег. – Какой навигатор? Тогда мобильных телефонов не было в помине, одни спутниковые, внешне на полевую рацию похожие, и тех на всю Москву штук двести.

– О знаниях, – перевел я разговор поближе к интересующей меня теме. – Слушай, тут прошлой осенью такая история случилась...

И я рассказал ему о русалке Аглае, и о том, что она мне подарок сделала, но какой – вообще непонятно. А знать – хочется.

– Так я тебе тоже ничего на этот счет не скажу, – расстроил в итоге меня новый знакомец. – Откуда мне знать? Одно скажу – русалок многие считают бесполезными дурами, но это не так. Русалки и водяники, возможно, самая старая нелюдь на свете. Человеки тонули в воде всегда. Они это делали задолго до того, как появились ведьмаки, и даже до того, как появились «Веды» и те женщины, которые их сделали своей сутью. А теперь подумай, Сашка, сколько знает и может племя, ведущее свою историю от начала времен? А? А!!! Другое дело, что они все свои знания так на дне водоемов и оставляют. Неприхотливы речные жители. Чего им надо? Девкам гребни, чтобы космы свои чесать, да летней порой какого-нибудь бедолагу на дно утащить. Водянику – раз в год петуха да поросенка, и то не для пищи, а ради глубокого уважения. Правда, от нынешних фиг он чего дождетсЯ, забыли люди, отчего то и дело кто-то тонет в реке или озере. Но, с другой стороны, нынче скоропостижной гибелью никого и не удивишь. Времена такие.

– Вот блин, – вздохнул я. – Никогда, наверное, не узнаю, что она презентовала.

– Услугу ты ей оказал королевскую, – очень серьезно произнес Олег. – Уж мне поверь. И награда наверняка ей соответствует. Ты просто не спеши, всему свое время. Да! Не пора ли нам выпить?

Вот так, потихоньку, помаленьку и текла наша беседа.

Я кое-что рассказал о себе, правда, обходя стороной острые углы, вроде дружбы с Хозяином Кладбища, столкновения с колдуном и подробностей смерти моего незадавшегося наставника. Последний пункт даже краем не затрагивал. Кто его знает, как другие ведьмаки смотрят на убийство людей своего же племени? А если негативно? Помню я «Интервью с вампиром», там кровосос на пару с юной кудрявой красоткой Тома Круза грохнули, и им так за это прилетело от других упырей! Оно мне надо?

Но и Олег не молчал, охотно снабжая меня сведениями о том, как устроен мир вокруг меня, причем чем дальше, тем больше я понимал, что меня кто-то последние полгода охранял от происходящего вокруг, не давая шумной жизни ночной Москвы вторгнуться в мой тихий мирок.

Говоря «ночной Москвы», я имею в виду не клубы, стритрейсинг и девушек легкого поведения, но нелегкой судьбы. Речь совсем о другом.

– Нет-нет. – Олегу явно нравилось моя легкая оторопь, он, как видно, вспоминал себя самого много лет назад. – Только ты не думай, что в Москве на самом деле есть какие-то крупные группировки магов или представителей древних рас, которые втайне от людей живут сплоченной и увлекательной жизнью, время от времени устраивая в спортивно-развлекательных целях локальные войны. Это все городское фэнтези. Читать увлекательно, но правды в нем ни на грош. Все гораздо обыденнее.

– Ну кое-кого я даже видел... – неуверенно возразил я.

– И что? – усмехнулся Олег. – Я тоже много чего видел. Но при этом ни одной ведьме в голову не придет открывать филиал ковена в отдельно стоящем здании. Зачем? Кому нужны лишние проблемы? Ну ладно, встретиться всем кагалом раз в год, провести конвент или что-то в этом роде, такое возможно. В последний раз, если не ошибаюсь, в прошлом августе собирались, в «Хилтоне» на Каланчевке. Ну бывшая «Ленинградская». Этаж сняли, ресторан, все по-взрослому. Но и только! Или вот – анклав упырей. Что за ерунда? Они вообще друг друга терпеть не могут. У них весь город на охотничьи участки поделен, и не дай боги, кто границу нарушит.

– А ты откуда про встречу ведьм знаешь? – полюбопытствовал я. – Вроде у нас с ними дружбы нет.

– Нет, – согласился Олег. – А взаимное уважение есть. Они мне и приглашение прислали. Знали, что не пойду, а прислали. Это дипломатия, Сашка. Иногда – просто. Иногда – канонерок.

А про меня забыли. Обидно. Я бы тоже туда не сунулся, но все же?

– И наш брат редко встречается так, чтобы все и сразу. – Олег достал золотой портсигар, посмотрел на него и убрал в карман. – Раз в год, в конце мая. Называется это «ведьмачий круг».

А вот о нем я только-только вспоминал!

– Но на самом деле это фикция, – поморщился Олег. – Пионерский слет, по-другому не назовешь. У ведьм и то веселее мероприятия проходят. У них же все с песнями, танцами, спиртным и даже мужским стриптизом. А у нас – тоска зеленая. Соберутся пни, которым сто лет в обед, и давай нудеть о том, что все теперь другое и поганое, не как в дни их молодости. Да еще и происходит все это в лесу. Ресторан, видишь ли, не по ведьмачьему Уставу арендовать. Надо чтобы поляна, луна, комаров стая, костер и чаша по кругу, все как у пращуров заведено было. Хорошо еще, что голову налысо брить не надо.

– А налысо зачем? – опешил я.

– Первые ведьмаки из дружинных воев князя Олега есть-пошли, так гласит каноническая легенда, – ответил мне собеседник. – Того самого Вещего Олега, которого гадюка укусила, если верить Пушкину. Но ты не верь, он по-другому голову сложил. Что до бритья налысо – у них тогда такой тренд был, чтобы череп до блеска полировать. Времена дикие, война кругом, без волос сподручнее. Враг за чуб не схватит, потеешь меньше. Ну и насекомых нет, это тоже плюс.

– Жесть, – проникся я.

– Не то слово. Короче – скука там смертная. Да еще лес вокруг, а я его... Ну говорил уже. Так что, Сашка, нет никаких профессиональных объединений у тех, кто под Луной живет. По крайней мере, в столице нашей Родины точно. На периферии еще встречаются диковины вроде волкодлачьих деревенок, но

здесь – не-а. Да и отделиские такое не приветствуют.

– «Отделиские»? – насторожился я.

– А ты как думал? – Олег криво усмехнулся. – В государстве живем, а оно за всеми бдит. И за нами тоже... Есть у нас в городе настоящие охотники за нечистью, причем облеченные законной властью. Нет, так-то они ребята нормальные, если ведешь себя спокойно и людям не докучаешь, то к тебе не полезут. Но если попробуешь границу перейти, покоя не будет. Из-под земли вытащат, причем иногда в прямом смысле слова. Да чего далеко ходить – в том году один из наших заигрался. Что к чему, толком не знаю, но кровь людскую лить начал как водицу. Вроде как даже кого-то из наших прикончил, что ни в какие рамки. Мне про это Макарыч рассказал, он на Зацепе живет, один из самых старых московских ведьмаков. Надо признать, что он на редкость приличный старикан, особенно на фоне остальных реликтов. Макарыч было начал собирать Малый Круг, чтобы, значит, разобраться с этим злодеем, но опоздал. Тот сам сгинул. Точнее – погиб. И странно так – на кладбище шею себе свернул, дескать, упал неудачно. Ведьмак – и свернул шею? Даже не смешно. Рубль за сто – их работа. Но претензий – ноль, все честь по чести, по заслугам и наказание.

– Нескучно живете, – выдохнул я, радуясь тому, что лишнего не сболтнул. Вроде бы и хорошо Олег о сотрудниках 15-К отзывается, но особого тепла в его голосе я не услышал. Как и симпатии. А узнай он, что я с ними неплохо знаком, да еще и сплю с одной из их сотрудниц? Не думаю, что это добавит мне авторитета. – Весело. С огоньком.

– Тьфу-тьфу-тьфу, не накаркай. – Олег снова взялся за графинчик. – Но в целом – да. Вот только взаимопонимания у нас со стариками все меньше и меньше. Они не признают то, как живем мы. «Мы» – это те, кто родился уже после падения дома Романовых. Ну или после свержения царя Гороха. Собственно, про это я тоже хотел с тобой поговорить, только давай сначала выпьем.

И мы немедленно выпили.

В голове у меня уже изрядно шумело, но при этом связи с реальностью я не терял, как видно, из-за нестандартности беседы.

– Так вот. – Новый приятель стукнул рюмкой по столу. – Смотри. Если тебя нашел я, то раньше или позже тебя отыщут и наши ветераны, после чего призовут на круг. До конца мая осталось всего ничего. Имей в виду, они тебя непременно на четыре кости поставить решат.

– В каком смысле? – у меня даже хмель из головы выскочил. – Не-не, я не по этой части. Все понимаю – древние обряды и все такое, но подобные забавы без меня.

– Ты совсем дурак? – постучал себя по голове Олег. – В переносном смысле, не в прямом.

– Поди тебя пойми, – проворчал я.

– Они всех новеньких под себя гнуть пробуют, – пояснил ведьмак. – Правда, новенькие не каждое десятилетие случаются, но тем не менее. И тебя попробуют. Мол – традиции святы, ты сначала в доростках побегай, нам послужи, а уж после решим, достоин ты круга или нет.

– Да ну нафиг, – отказался я. – Мне этой канители на работе хватило за гланды, теперь еще здесь меня нагибать станут.

– Про то и речь. – Олег пододвинулся ко мне поближе. – И нас это достало. В прошлом году из-за этого антиквариата мы чуть с семейством волкодлаков из Бибирево не сцепились. Один из патриархов чего-то с их отцом не поделил, но сам решил не мараться и троих молодых ребят из наших разбираться отправил. Мол – не царское это дело. А оно им нужно, каштаны для других из огня тягать?

– Ни разу, – даже не стал спорить я. – Только непонятно пока, что от меня требуется? Или я избранный, и мое слово может изменить судьбы этого мира?

– Ты? – с сомнением посмотрел на меня Олег. – Это вряд ли. Не тянешь ты на избранного. Без обид – жидковат. Но зато можешь стать поводом.

– Поводом для чего?

– Для того, чтобы поднять вопрос о целесообразности отмены ряда устаревших традиций.

Однако везде одно и то же. Тут тоже подковерные игры имеются, во всей своей красе. Я стану поводом, развернется дискуссия, и в результате мне может неслабо прилететь в том случае если... Да практически в любом случае.

– Не знаю, не знаю, – протянул я с сомнением. – Вот так сразу в бутылку лезть, только-только заявившись на круг. Это как-то не очень верно.

– Не лезь, – согласился Олег. – Не надо. Стой, хлопай глазами. Мы сами вопрос поднимем и сами будем его продвигать. Повторюсь – ты только повод, не более. Даже если нас причешут, то ты ничего не теряешь, формально тебе предъявить будет нечего.

– Служить я все равно никому не стану, – сообщил я ему. – Не хочу.

– И правильно, – одобрил мой собутыльник. – Я, кстати, тоже в свое время отказался у стариков в прислуге бегать, так они меня лет десять после этого игнорировали. Дескать: «сущеглуп и строптив не в меру».

– Вот ты, наверное, расстроился-то! – хихикнул я.

– Не то слово, – подтвердил ведьмак. – Неделю по кабакам гулял, все обошел – от «Гаваны» до «Узбечки». Короче – ты с нами?

– Фиг знает, – пожал плечами я. – Но скорее всего, да. Я не неконформист, но ваши устремления мне близки.

– Вот и славно. – Олег достал из кармана какую-то бумажку, а следом за ним брендовый «микротеховский» нож. Щелкнул кнопкой, выскочило лезвие. – Сейчас кровью документик подпиши, а потом...

– Не буду! – я совсем протрезвел от таких слов. – Что за контракт с сатаной?

– Повелся! – ведьмак чуть ли не в голос расхохотался. – Все-таки повелся! Потом подтвердишь Пашке, что я это сделал, лады? Мы с ним на ящик пива забились, что ты воспримешь все это всерьез.

– Вообще все, или только ересь с подписью? – уточнил я.

– Только про клятву на крови, естественно, – повертел ножом Олег, заметил настороженный взгляд официантки, сложил его и убрал в карман. – Остальное взаправду. Да, ты не против, если я про тебя сам аксакалам расскажу? А ну как все же они проморгают тот факт, что ты есть?

Вообще-то я был против. Но, с другой стороны, все равно когда-нибудь придется вступать в контакт со своей новой родней, так что...

– Валяй, – разрешил я. – Почему нет?

Собственно, на этом наша встреча и закончилась. Мы допили остатки коньяка, обменялись телефонами и договорились в следующую пятницу пересечься в «Будваре», что расположен в Котельниках, дабы я мог познакомиться с остальными ведьмаками из числа тех, кто решил пойти против системы.

Это было небезынтересно, так что я ни секунды не думал, сразу дав свое согласие. Ну а что? Я за сегодняшний вечер узнал больше, чем за предыдущий квартал.

И потом – надо же понять, как именно выглядят ведьмачьи знаки и где их раздают? Может, мне тоже свой собственный знак положен, а я его до сих пор не получил!

Пока дошел до дома, меня порядком развезло, несмотря на то что на улице стало ощутимо прохладнее, так что в прихожую я ввалился уже в состоянии мешка с картошкой.

– Охти мне! – всплеснул лапами Родька, встревоженный тем, что я не стал с порога орать: «Ужин на стол», а вместо это возился у вешалки, сопя и кряхтя. – Хозяин, да ты никак вином налился по самые брови?

– Вином! – фыркнул я обиженно. – С вина меня так не сносит. Моя светлость коньяком накушалась.

– Не знаю такого пойла, – помотал головой слуга. – Эх-эх! Стало быть, вечерять не станешь? Ну и правильно. Иди-ка лучше баиньки.

– Благая мысль, – согласился с ним я. – Вот только позвоню кое-кому – и спать.

Почему получилось так, что я набирал Мезенцеву, а в результате меня соединило с бывшей женой – понятия не имею. Тем более что и имена у них разные – одна Женька, другая Светка. В смысле – в телефонной книжке они не рядом находятся.

– Смолин? – поинтересовалась у меня бывшая жена. – Ты на часы смотрел?

– Нет, – признался я, обескураженный тем, что вместо язвительной Мезенцевой слышу не менее саркастичную Светку. – Но за окном темно.

– Да ты поддатый! – восхитилась она. – Все, жизнь удалась! Теперь и я могу похвастаться тем, что мне бывший, как набухается, звонит. Скандалить будешь? Ну как положено? Упрекать, что не поняла тебя, что сбежала. По маме пройтись можно.

– Твою маму даже танк времен Первой Мировой не переедет, – возразил я.

– Почему именно Первой Мировой?

– Их в те времена куда больше, чем потом, изготавливали, – объяснил ей я. – По размеру. Задача была давить, а не снарядами пулять. Но и они бы перед Полиной Олеговной отступили.

– Вот какая ты все-таки сволочь! – почти с восхищением произнесла Светка. – Сколько лет прошло, а ты все еще ее не любишь.

– Было бы странно, если бы по прошествии этих лет я воспылал к ней нежной страстью. Подобное проявление чувств противоестественно.

– Ладно, оставим маму в покое, – предложила моя бывшая. – Чего звонишь? Только не говори, что денег занять. Тогда я решу, что стала героиней сериала.

Да что им всем эти сериалы дались? То Жанна про них вспоминает, то Светка. Им всем делать больше нечего, что ли, как только в телевизор пялиться?

– Случайно тебя набрал, – решил сказать правду я, непонимающе глядя на Родьку, который выпучив глаза, странно жестикулировал и даже подпрыгивал на месте. То на кухню покажет, то на дверь, то просто лапами машет. – Звонил кое-кому, и вот, к тебе попал.

– Ну да, конечно, – хрустально рассмеялась моя бывшая. – Все именно так и обстоит.

– Да, именно так и обстоит, – начал злиться я, теперь вспомнив, как Светка иногда умела меня бесить. – Перепутал я номера! Пере-путал!

– В следующий раз набирай тщательнее, – голос Светки как-то потух, словно светлячок перед рассветом. – Пока.

И линия разъединилась.

– Хозя-я-я-яин! – взвыл Родька. – Что ж ты! Надо было ее в гости зазвать, чайком напоить!

– Каким чайком? – решив, что на сегодня звонков хватит, и от греха подальше положив телефон на тумбочку, возмутился я. – Сгинь, назойливый! Хозяин спать пошел. У хозяина того и гляди «вертолеты» начнутся!

И уже засыпая, я слышал, как на кухне Родька с гордостью сообщает кому-то, как видно, Вавиле Силычу:

– Он нынче у меня назюзюкался в дрова! Вот теперь всё как надо, настоящий хозяин! А то как пятница – он трезвый! Куда это годится? Правда, меня не поколотил, но лиха беда – начало!

«Какие все-таки странные критерии хозяинопригодности у слуг ведьмаков», – подумалось мне, а после я уснул.

Утро было тяжким. Пью я крайне редко, тем более коньяк, потому в висках стучало, а в затылке ломило. И даже рассол, который мне в стакане припер Родька (и откуда взял?) не очень-то помог.

– Ох, – я вышел в прихожую и глянул на себя в зеркало. – Красив! Помят, но красив.

– Хозяин, завтрак на столе, – подергал меня за руку слуга. – И это, вопрос у меня имеется.

– Если ты по поводу Светки, то сразу иди на фиг, – посоветовал я ему. – Не обсуждается.

– Жаль, – вздохнул Родька. – Но я не о том. Ты же вчера с тем ведьмаком выпивал, что тебя у подъезда встретил?

– А ты откуда знаешь, что он ведьмак? – усаживаясь за стол, спросил я. – Табличка на нем не висела, визитку он тебе вряд ли вручил, а я и словом про него не обмолвился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/vasil-ev_andrey/chas-polnoluniya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)